Международная Объединенная Академия Наук

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Научный журнал

Декабрь 2018 г.

НОМЕР 45

ЧАСТЬ 1

Самара 2018

УДК 001.1
ББК 60

Т34

Тенденции развития науки и образования. «Тенденции развития науки и образования» Декабрь 2018 г. №45, Часть 1 Изд. НИЦ «Л-Журнал», 2018. - 76с.

SPLN 001-000001-0382-LJ
DOI 10.18411/lj-12-2018-1
IDSP ljournal-12-2018-1

В выпуске журнала собраны материалы из различных областей научных знаний.

Журнал предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Все материалы, размещенные в журнале, опубликованы в авторском варианте. Редакция не вносила коррективы в научные статьи. Ответственность за информацию, размещенную в материалах на всеобщее обозрение, несут их авторы.

Информация об опубликованных статьях будет передана в систему ELIBRARY

Электронная версия журнала доступна на сайте научно-издательского центра «Л-Журнал». Сайт центра: ljournal.ru

УДК 001.1
ББК 60

SPLN 001-000001-0382-LJ

<http://ljournal.ru>

Содержание

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ	5
Гирченко Е.А. Миграционные процессы в неолите северо-востока Китая и их влияние на становление культур Приморья (по материалам публикаций на китайском языке)	5
Загваздин Е.П. Достопримечательности Тобольска в дневниковых записях Романовых (август 1917 г.).....	10
Саманцов А.П., Трофимова В.С. Краткий обзор системы электронного документооборота «Диалог».....	15
 РАЗДЕЛ II. ФИЛОСОФИЯ.....	 18
Васюков В.Л. Макростратегии диалога культур	18
Куч Е.В., Хозеева Л.И., Хекоян А.А. Система мотивации персонала.....	23
Маслова А.В. Научное познание в пространстве кросс-культурного диалога.....	25
Шульга Е.Н. Коммуникативно-антропологическая рациональность и социальная коммуникация.....	31
 РАЗДЕЛ III. СОЦИОЛОГИЯ	 39
Брагина М.Л. Отток молодых специалистов из села как социальная технология.....	39
Некрасова О.Н. Информированность жителей Пермского края о правах и обязанностях при сокращении с места работы	42
Никитин М.С. Влияние компьютерных игр на студентов Сургутского филиала Финансового университета	43
Рылов Д.А. Россия глазами молодежи.....	45
Рылов Д.А. Роль православного христианства в современном российском обществе..	47
 РАЗДЕЛ IV. ПОЛИТОЛОГИЯ.....	 49
Ставров И.В. Способствуют ли СМИ улучшению сотрудничества между Россией и Китаем	49

РАЗДЕЛ V. ФИЛОЛОГИЯ	53
Гусакова А.И. Эквивалентность и адекватность перевода художественной литературы	53
Данилова И.В., Эльбикова Б.В. Исследование уровня мотивации студентов к изучению английского и калмыцкого языков	55
Киреева И.А., Браженец К.С., Ильина Т.В. Моделирование речевого жанра научно-популярной статьи в немецком языке	57
Косташ Л.Л., Кожемяченко А.А. К вопросу о синтаксических стилистических приёмах в публицистическом тексте	61
Кукса П.В. Осознательные образы в структуре романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» .	64
Рагимова Ф.С. Прецедентный феномен в структуре медиа текста: актуализация прецедента через его презентацию в заголовочном комплексе	67
Kuptsova Yu.A. Issues of abstracting	70
Yashnikova N.V. Specification of rendering abbreviations in marine terminology	73

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ

Гирченко Е.А.

Миграционные процессы в неолите северо-востока Китая и их влияние на становление культур Приморья (по материалам публикаций на китайском языке)*Институт археологии и этнографии СО РАН
(Россия, Новосибирск)**doi: 10.18411/lj-12-2018-01**idsp: ljjournal-12-2018-01***Аннотация**

Средний-поздний неолит (V – сер. II тыс. до н.э.) северо-востока Китая и сопредельных территорий характеризуется достаточно широкими миграциями населения, однако специальных исследований, посвященных культурному обмену между Приморьем и Маньчжурией, немного. В результате проведенных исследований выявлена определенная преемственность и схожесть в технологиях формования и орнаментации керамического материала зайсановской культуры и культур синчэн, цзиньгу и ингэлин, что свидетельствует о формировании в позднем неолите региона единого культурного пространства, связанного с широкими инфильтрациями населения с юга на север.

Ключевые слова: неолит, миграции, Приморье, Маньчжурия, керамические комплексы, орнаментальные традиции

Abstract

The Middle-Late Neolithic (V - mid. II mill. BC) of northeastern China and adjacent territories is characterized by wide migrations of ancient tribes, but there are very few special studies on the cultural exchange between Primorye and Manchuria. As a result of the investigations, a certain continuity and similarity in the formation and ornamentation of ceramics of Zaisanovka culture and Xingcheng, Jingu and Yinggeling cultures is revealed. This fact indicates the formation of a single cultural space in the late Neolithic of the region due to widespread infiltration of population from the south to the north.

Keywords: Neolithic, migration, Primorye, Manchuria, ceramic complexes, ornamental traditions

Эпоха среднего-позднего неолита (V – сер. II тыс. до н.э.) на северо-востоке Китая (современные провинции Хэйлунцзян, Цилинь, частично Ляонин) и на сопредельных территориях характеризуется достаточно широкими миграциями населения, приведшими к распространению земледелия на более северные территории [Гирченко, 2018], однако специальных исследований, посвященных культурному обмену между Приморьем и Маньчжурией, немного. Недостаточная ввиду языкового барьера осведомленность специалистов двух стран об археологических исследованиях друг друга приводят к выделению сходных культур под разными названиями. Примером, иллюстрирующим сложившуюся ситуацию, может служить культура, получившая на российской территории название «зайсановская» [Крутых, 2012. С. 139], в Китае же именуемая как «цзиньгу» или «синчэн раннего периода» [Цилинь шэн..., 1991. С. 3]. Автор не ставит своей целью историографический обзор исследований зайсановской и предшествующей ей бойсманской культур Приморья, что было сделано неоднократно [Гарковик, 1986; Гельман, Вострецов, 2008; Крутых, 2012 и др.], а вводит в научный оборот материалы публикаций китайских специалистов по данному региону и периоду. Актуальность работы обусловлена необходимостью

представить публикации китайских специалистов, посвященные анализу керамики позднего неолита Маньчжурии, для комплексных сравнительных исследований с приморскими материалами.

Методология исследования базируется на традиционных подходах, используемых в археологии для интерпретации материалов: типологическом и сравнительно-историческом для проведения необходимых корреляций с сопредельными территориями. В исследовании керамических комплексов мы следуем за китайскими специалистами, в их работах систематизация материала основывается, как правило, на анализе морфологических и орнаментальных признаков, технико-типологический подход применяется крайне редко. Кроме того, в исследовании учитывались данные радиоуглеродного анализа, что имеет большую важность для построения хронологии культур региона [Хэлун Синчэн, 2002; Цзилинь шэн..., 1991; Gelman и др., 2003].

Наиболее полно опубликованными поздненеолитическими памятниками Маньчжурии являются Синчэн и Цзиньгу, материалы которых стали основой для выделения позднего неолита региона. Абсолютные даты поселения Синчэн 4800 ± 140 л.н., 4615 ± 150 л.н., полученные датировки памятника Цзиньгу – 4410 ± 140 л.н., 4430 ± 150 л.н., 4540 ± 140 л.н. [Чжао Биньфу, 2004. С. 119–120]. В исследовательской литературе они выделяются как две самостоятельные культуры – «культура раннего (или горизонта I) синчэн» (что связано с существованием «культуры синчэн» бронзового века в регионе) и «культура цзиньгу», однако более целесообразным нам представляется объединение этих комплексов под единым названием – «культура цзиньгу». Для бассейна р. Муданьцзян, наиболее подробно опубликованными являются памятники Ингэлин, Шихуэйчан и Чжэнсин, материалы в целом аналогичны, их датируют одним временем и объединяют в культуру (или тип) ингэлин [Лю Чжэньхуа, 1982. С. 73]. Радиоуглеродное датирование не проводилось, они отнесены к позднему неолиту по аналогиям с сопредельными территориями [Хэйлунцзян..., 1981. С. 489]. Таким образом, поздний неолит на территории бассейна р. Тумэньцзян связывают с культурой цзиньгу или с I этапом культуры синчэн, в бассейне р. Муданьцзян – с типом Ингэлин и датируется началом – сер. III тыс. до н.э.

Провинция Цзилинь и юг провинции Хэйлунцзян, в отличие от хорошо изученных более южных регионов среднего Хуанхэ долгое время считалась периферийной и неперспективной в плане изучения археологии территорией, поэтому в отличие от Хэбэя и Ляонина, полномасштабные раскопки здесь начались только в 1960–1970-е гг. [Ван Сычжоу, 2005. С. 36–37; Чжао Биньфу, 2014. С. 381–384]. Раскопки опорных памятников позволили выделить первую хронологию культур региона [Тун Чжучэнь, 1961; Лю Чжэньхуа, 1982]. В 1979 г. были проведены археологические раскопки памятника Цзиньгу, ставшего основанием для выделения первой неолитической культуры, т.к. археологические разведки на территории Яньбянь-Корейского автономного округа показали материалы, аналогичные найденным на памятнике Цзиньгу [Лунцзинсянь вэньу чжи, 1983; Ванцинсянь вэньу чжи, 1983; Яньцзиши вэньу чжи, 1985; Хуньчуньсянь вэньу чжи, 1984].

В 1990-е масштабные археологические раскопки памятника Синчэн, содержащего материалы позднего неолита и раннего бронзового века. В керамических материалах были выделены две традиции орнаментации: пунктиры преобладали в комплексе Синчэн, орнаментация прочерчиванием – в комплексе Цзиньгу [Сун Юйбинь, 2002]. Исследование периода позднего неолита в бассейне р. Муданьцзян начинается в 1920-е гг. с археологических раскопок на памятнике Ингэлин [Муданьцзян..., 1960. С. 23], однако оно было продолжено только в 1980–1990-е гг. с началом исследований памятников Шихуэйчан и Чжэнсин.

Определенные аналогии между материалами Приморья и Маньчжурии в эпоху неолита неоднократно подмечались исследователями обеих стран, однако до сих пор

детального сопоставления археологических материалов стран не проводились [Го Дашунь, Чжан Синдэ, 2005]. Среди работ китайских исследователей частичное поверхностное сравнение мы находим только в работе Гу Шаня 2005 г. «Культурное взаимодействие в бассейне р. Тумэньцзян до эпохи Хань и связанные с этим вопросы», однако оно изобилует многочисленными неточностями (например, в вопросе определения ареалов неолитических общностей) и презентует лишь узкий круг памятников зайсановской культуры, доступный в переводах на китайский язык.

На памятнике Цзиньгу было раскопано шесть жилищ. Находки включают в себя керамику с орнаментом в прочерченной технике, неорнаментированную посуду, каменные тесла, мотыги, наконечники стрел, раковины моллюсков. Прочерченные линии образуют орнамент в виде вертикального зигзага и меандра. По форме сосуды баночные и горшковидные. В жилище 5 обнаружены сосуды, орнаментированные в нетипичной для Цзиньгу пунктирной технике [Тумэньши..., 1985].

Памятник Синчэн является многослойным, к эпохе неолита относятся 9 жилищ, к эпохе бронзового века – 19 жилищ и 3 погребения. Неолитические материалы представлены наконечниками стрел, мотыгами, терочником, пряслицами, шлифованными теслами и керамикой. Статистическое соотношение орнаментации прочерченными линиями в виде спиралей и вертикального зигзага и пунктиром в виде наклонных линий и спиралей примерно равно. Сложные сюжеты в прочерченной технике образуют меандры, внутри заполненные оттисками гребенчатого штампа. Сосуды чашевидной и горшковидной формы. Неорнаментированная керамика встречается редко. Сосуды по форме можно разделить на баночные и чашевидные [Чжао Биньфу, 2003; Хэлун Синчэн, 2002].

Памятник Ингэлин включает в себя 4 жилища, к позднему неолиту относится жилище 3. Керамика оформлена прочерченным орнаментом в виде вертикального зигзага и параллельных наклонных линий или вертикальным зигзагом, выполненным оттисками гребенки. На венчике сосудов имеется рассеченный наlepной валик. Каменный инвентарь включает топоры, грузила [Хэйлунцзян нинъаньсянь..., 1981].

К памятнику Шихуэйчан относятся 4 жилища, 12 зольников и погребение, периодом позднего неолита датированы жилища 3 и 4. Керамика украшена прочерченными линиями. Венчик как правило имеет наlepной валик. На памятнике обнаружен один миниатюрный неорнаментированный сосуд [Хэйлунцзян нинъаньсянь, 1990].

В ходе работ на памятнике Чжэньсин на левом берегу р. Муданьцзян было выявлено 17 жилищ и 124 зольника, материалы датируются диапазоном от неолита до средневековья. Неолитический материал памятника происходит из 5 слоев и одного зольника. Это керамика с оттисками гребенчатого штампа и керамика с прочерченным орнаментом [Хэкоу юй Чжэньсин, 2002]. Комплекс неоднородный, он находит аналогии как в средненеолитической бойсманской культуре Приморья и материалах памятника Синькайлю провинции Хэйлунцзян Китая, так и в поздненеолитической зайсановской культуре. Другая категория сосудов – с прочерченным орнаментом в виде ромбов и наlepным валиком на венчике. В зольнике найдена неорнаментированная посуда с наlepным валиком [Го Дашунь, 1999].

Приморские материалы памятника Зайсановка-1 орнаментированы в похожей технике, встречаются вертикальный зигзаг прочерченными линиями, меандр, оформленный в технике прочерченных линий и заполненный оттисками гребенчатого штампа и т.д. Для памятника характерно присутствие материалов бойсманской культуры среднего неолита и янковской культуры раннего железного века. В слое зайсановской культуры памятника Бойсмана 2. выявлена керамика с оттисками гребенчатого штампа, шнуровым, пунктирным орнаментом, а также с орнаментом в виде прочерченных линий и в его сочетании с другими техниками орнаментации, редко

– неорнаментированная посуда. Сосуды представлены баночными, чашевидными формами, чашами на поддоне [Морева и др., 2002].

В ходе сравнения форм и орнаментальных традиций представленного в публикациях керамического материала, нами установлено, что, вероятно, в среднем неолите носители культур Ябули и Синькайлю северо-востока Китая [Чжао Биньфу, 2004. С. 118] принесли в Приморье технику гребенчатого штампа, нашедшую свое отражение в материалах бойсманской культуры (7–5 тыс. л.н.) [Ким Чже Ен, 2009. С. 26; Морева, С. 4]. В позднем неолите появляются новые способы нанесения орнамента при сохранении гребенчатого штампа (памятники Зайсановка-1, Бойсмана-1, Бойсмана-2 (зайсановский слой); Зайсановка-7 и др. [Гарковик, 2003; Гельман и др., 2003]). Две известные даты комплекса Зайсановка-1 – 3972 ± 31 и 4010 ± 44 [Gelman и др., 2003]. Наибольшие аналогии керамике раннего комплекса Зайсановка-1 мы находим в материалах памятника Синчэн [Хэлун Синчэн, 2001] – это баночные сосуды без выраженной горловины, орнаментированные различными модификациями линий, пунктиром, прочерчиванием, ямками и сквозными отверстиями. Другими аналогиями являются сосуды без горловины с усеченно-коническим туловом с орнаментом прочерченными линиями, налепными валиками, округлыми вдавлениями. Такие сосуды встречаются как на поселении Зайсановка-1 [Ким Чже Ен, 2009. С. 22–23], так и на памятниках Цзиньгу, Ингэлин, Шихуэйчан и Чжэнсин [Гу Шань, 2005. С. 48–50]. Таким образом, период позднего неолита представлен тремя археологическими культурами: зайсановской – в Приморье, цзиньгу – в бассейне р. Тумэньцзян и ингэлин – в бассейне р. Муданьцзян.

Рис. 1. Керамические материалы позднего неолита Маньчжурии и Приморья: 1–7 – жилище 1 памятника Цзиньгу; 2–6, 8, 9 – жилище 3 памятника Цзиньгу (по: [Цзилинь шэн..., 1991. С. 6]; 10–15 – зайсановский слой памятника Зайсановка-1 (по: [Vostretsov Yu.E. и др., 2007. С.]

В ходе исследований установлено, что традиции формования и орнаментации керамического материала выделенных на северо-востоке Китая культур синчэн, цзиньгу, ингэлин (4800–4400 л.н.) находят определенные аналогии в зайсановской культуре (4000–3300 л.н.), что свидетельствует о формировании в позднем неолите

единого культурного пространства в Маньчжурии и Приморье, связанном с широкими инфильтрациями населения с юга на север в среднем неолите региона.

1. Ван Сычжоу. Чжунго дунбэйбу дицхой синьшици шидай вэньхуа дэ фачжань майло юй юаньюань гуаньси [Истоки и развитие культур эпохи неолита северо-востока Китая] // Бяньцзян каогу яньцзю [Исследования археологии приграничных территорий]. – 2005. – С. 36–45. (на кит. яз.)
2. Ванцинсянь вэньу чжи [Памятники уезда Ванцин]. – Б.м., 1983. – 138 с. (на кит. яз.)
3. Гарковик А. В. Некоторые вопросы изучения зайсановской культуры // Проблемы археологических исследований на Дальнем Востоке СССР: материалы XIII Дальневост. науч. конф. по пробл. отеч. и зарубеж. историографии. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1986. – С. 115–120.
4. Гарковик А.В. Неолитический керамический комплекс многослойного памятника Рыбак 1 на юго-западном побережье Приморья // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: Материалы междунар. конф. «Из века в век», посвящ. 95-летию со дня рождения академика А.П. Окладникова и 50-летию Дальневосточной археологической экспедиции. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – С. 94–101.
5. Гельман Е.И., Вострецов Ю.Е. Орнамент керамики поселения Зайсановка-1 // Неолит и неолитизация бассейна Японского моря: человек и исторический ландшафт: материалы междунар. археол. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. П. Окладникова. Владивосток: Изд-во Даль не вост. ун-та, 2008. – С. 49–56.
6. Гельман Е.И., Исакова Т.В., Вострецов Ю.Е. Керамический комплекс неолитического поселения Зайсановка-7 // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий (материалы XI сессии археологов и антропологов Дальнего Востока). Третья междунар. науч. конф. «Россия и Китай на дальневосточных рубежах». – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. – С. 128–135.
7. Гирченко Е.А. Распространение земледелия на северо-востоке Китая в эпоху среднего неолита // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2018. – Т. XXIV. – С. 56–59.
8. Го Дашунь, Чжан Синдэ. Дунбэй вэньхуа юй юань вэньмин [Археологические культуры Дунбэя и цивилизация Ю – Янь]. – Пекин: Изд-во Цзянсу цзяюй, 2005. – С. 13–23. (на кит. яз.)
9. Го Дашунь. Лунь дунбэй вэньхуа цюй цзи ци цянъянь [О культурной общности северо-востока Китая и ее истоках]. // Вэньу. – 1999. – №8. – С. 59–63. (на кит. яз.)
10. Гу Шань. Тумэньцзян лююй ханьдай ицян фаньчжун каогу вэньхуа цзи сянгунь вэньти дэ яньцзю [Культурное взаимодействие в бассейне р. Тумэньцзян до эпохи Хань и связанные с этим вопросы]. Чанчунь: Изд-во Цзилиньского ун-та, 2005. – 60 с. (на кит. яз.)
11. Ким Чже Ен. Керамика позднего неолита Приморья и сопредельных территорий Восточной Азии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Владивосток: Изд-во Ин-та истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, 2009. – 29 с.
12. Крутых Е.Б. Зайсановская археологическая культура: проблема интерпретации // Россия и Азиатско-Тихоокеанский регион. – 2012. – №1. – С. 139–154.
13. Крутых Е.Б. Финальный неолит Приморья: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. – Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, 2011. – 243 с.
14. Лунцзинсянь вэньу чжи [Памятники уезда Лунцзин]. – Б.м., 1984. – 181 с. (на кит. яз.)
15. Лю Чжэньхуа. Цилиньшэн юаньши вэньхуачжун дэ цзичжун синьшици шидай ицунь [Памятники доисторических культур эпохи неолита в провинции Цилинь] // Боугуань яньцзю. – 1982. – №1. – С. 73–82. (на кит. яз.)
16. Морева О.Л. Керамика бойсманской культуры: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Владивосток: Изд-во Ин-та истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, 2005. – 25 с.
17. Муданьцзян чжунся лю каогу дяоча цзяньбао [Краткий отчет об археологическом обследовании среднего и нижнего течения долины р. Муданьцзян] // Каогу. – 1960. – № 4. – С.23–39. (на кит. яз.)
18. Сун Юйбинь. Тумэньцзян лююй цинтун шидай дэ цзигэ вэньти [Некоторые проблемы эпохи бронзы долины р. Туманган] // Бэйфан вэньу. – 2002. – № 4. – С. 1–10. (на кит. яз.)
19. Тумэньши вэньу чжи [Памятники города Тумэнь]. – Б.м., 1985. – 139 с. (на кит. яз.)
20. Тун Чжучэнь. Дунбэй юаньши вэньхуа дэ фэньбу юй фэньци [Распространение и периодизация первобытных культур СевероВосточного Китая] // Каогу. – 1961. – № 10. – С. 15–36. (на кит. яз.)
21. Хуньчунсянь вэньу чжи [Памятники уезда Хуньчунь]. – Б.м., 1984. – 138 с. (на кит. яз.)
22. Хэйлунцзян нинъяньсянь ингэлин ичжи [Памятник Ингэлин в уезде Нинъянь провинции Хэйлунцзян] // Каогу. – 1981. – № 6. – С. 481–490. (на кит. яз.)
23. Хэйлунцзяншэн нинъяньсянь шихуйчан ичжи [Памятник Шихуйчан в уезде Нинъянь провинции Хэйлунцзян] // Бэйфан вэньу. – 1990. – № 2. – С. 3–10. (на кит. яз.)

24. Хэкоу юй Чжэньсин [Хэкоу и Чжэньсин]. – Харбин: Изд-во Кэсюэ, 2002. – 178 с. (на кит. яз.).
25. Хэлун Синчэн: Синьшици цзи цинтун шидай ичжи фацзюэ баогао [Синчэн в уезде Хэлун: доклад о раскопах памятника неолита и бронзового века]. – Пекин: Цзилинь шэн вэньу каогу яньцзюсо, 2001. – 178 с. (на кит. яз.).
26. Цзилинь шэн Лунцзинь сянь Цзиньгу синьшици шидай ичжи цинли цзяньбао [Краткий доклад об исследовании неолитического памятника Цзиньгу в уезде Лунцзин провинции Цзилинь] // Бэйфан вэньу. – 1991. – №1. – С. 3–9. (на кит. яз.).
27. Чжао Биньфу. Дунбэй каогусюэ яньцзю (И). [Исследования археологии северо-востока Китая (Часть первая)]. – Пекин: Изд-во «Кэсюэ», 2014. – 398 с. (на кит. яз.).
28. Чжао Биньфу. Дунбэй синьшици вэньхуа гэцзюй цзи ци юй чжоубянь вэньхуа дэ гуаньси [Неолитические культуры северо-востока Китая и их связи с культурами периферии] // Чжунго бяньцзян шиди яньцзю [Исследования в области истории и географии приграничных районов Китая]. – 2006. – Т. 16. – №2. – С. 88–95. (на кит. яз.).
29. Чжао Биньфу. Дунбэй синьшици вэньхуа дэ фэньци юй тедянь [Хронология и особенности культур неолита северо-востока Китая] // 2004. – Т. 31. – №4. – С. 117–120. (на кит. яз.).
30. Чжао Биньфу. Дунбэй шици шидай каогу [Археология эпохи камня северо-востока Китая]. – Чанчунь: Изд-во Цзилиньского ун-та, 2003. – 466 с. (на кит. яз.).
31. Gelman E.I., Komoto M., Miyamoto K., Nakamura T., Obata H., Sergusheva E.A., Vostretsov Y.E. Krounovka 1 Site in Primorye, Russia: Report of Excavations in 2002 and 2003: Study on the Environmental Change of the Early Holocene and the Prehistoric Subsistence System. – Kumamoto: Shimoda Print Joint Stock Company, 2003. – 58 p.
32. Vostretsov Yu.E., Obata H., Rakov V.A., Komoto M., Miyamoto K., Furusawa Y. Archaeological Collections in the Posjet Bay. Archaeological Monograph in the Southern Primorye, Russia. – Kumamoto: Shimoda Print Joint Stock Company, 2007. – 62 p.

Загваздин Е.П.

**Достопримечательности Тобольска в дневниковых записях Романовых
(август 1917 г.)**

*Институт археологии и этнографии СО РАН
(Россия, Новосибирск)*

doi: 10.18411/lj-12-2018-02

idsp: ljjournal-12-2018-02

Аннотация

Публикация посвящена разбору дневниковых записей Николая Александровича и Александры Фёдоровны Романовых, касающихся их путешествий по рекам Иртыш и Тобол в августе 1917 г. Рассмотрен маршрут их передвижения и проанализированы три места, которые они осмотрели во время своих водных странствий. Два из них определены как памятники археологии – Ханское кладбище и Сузгунская гора (Сузгун I-II).

Ключевые слова: Романовы, Тобольск, Ханское кладбище, Сузгунская гора.

Abstract

The publication is devoted to the analysis of diary entries by Nikolai Alexandrovich Romanov and Alexandra Feodorovna Romanov, concerning their travels along the Irtysh and Tobol rivers in August 1917. The route of their movement is reviewed and three places that they viewed during their water journeys are analyzed. Two of them are identified as archaeological sites - the Khan cemetery and the Suzgun mountain (Suzgun I-II).

Keywords: The Romanovs, Tobolsk, Khan cemetery, Suzgun mountain.

Малоизученным остаётся вопрос о местах близ Тобольска, которые посещала семья последнего царя Николая II на пароходе «Русь» в 1917 г. Ожидая подготовки апартаментов губернаторского дома, они несколько дней провели на борту парохода (6 – 13 августа). В это время пассажиры и команда по воде активно изучали достопримечательности окрестностей города.

В данной статье проанализированы их водные маршруты, перемежающиеся с высадками на берег и осмотром окрестностей. Данные места посещений во многом интересны и тем, что являются памятниками археологии. Сообщения об этих топонимах прослеживаются уже в памятниках сибирского летописания. Однако эти моменты никак не отражены в дневниковых записях Романовых. Поэтому, помимо топографической привязки их поездок, будет дана и небольшая характеристика этих мест как археологических памятников, которые они сознательно или не сознательно осматривали.

Н. А. Романов наблюдал тобольские окрестности не единожды. Известно, что будучи цесаревичем он посетил Сибирь во время кругосветного вояжа 1890 – 1891 гг. Экспедиция двигалась вверх по Иртышу на пароходе до Омска мимо Тобольска. Сам город он лицезрел всего на несколько часов [10]. Увы, но в продолжение этого путешествия осмотр окрестностей города проводился лишь с борта плывущего судна.

Лишь в августе 1917 года ему и его домочадцам представилась возможность не только увидеть окрестности Тобольска с борта парохода «Русь» (7, рис. 1), но и осмотреть их более внимательно в пешем порядке. Эти странствия, помимо дежурной загрузки парохода углём, прошли достаточно познавательно. Так, в дневнике Н.А. Романова от 8 августа записано: *«После завтрака пошли вверх по Иртышу верст за 10. Пристали к правому берегу и вышли погулять. Прошли кустами и, перейдя через ручеек, поднялись на высокий берег, откуда открывался красивый вид. Пароход подошел к нам и мы пошли обратно в Тобольск»* [6, с. 648]. В дневнике Александры Фёдоровны этот момент отражён более сухо: *«Двинулись вверх по Иртышу. Остальные вышли и пошли пешком* [2, с. 75].

Рис. 1. Фото. Царь Николай Романов со своей семьей на пароходе «Русь» в 1917 г. в г. Тобольске // ОГБУК «Государственный исторический музей Южного Урала». ЧОКМ ОФ-1972 (ФН-7786).

Эти записи дают вектор поиска их остановки от границ города. Естественным восточным рубежом Тобольска является излучина Иртыша. На восточной окраине города в местечке Потчеваш, известном своим противостоянием между ханом Кучумом и отрядом казаков Ермака, находилась и переправа. На другом берегу начинался тракт. Таким образом, если проводить отсчёт расстояния от Потчеваша вверх по Иртышу, то получается, что корабль приставал к Токаревской горе. Другое её старое название – Саускановская гора.

Данное место больше всего подходит и по расстоянию, и по описанию. В-первых, здесь шиловидный мыс горы выдается глубоко в пойму. Из-за этого подъем по ней достаточно простой по причине её плавного рельефа. Подножье этого мыса

располагается близко к руслу Иртыша, на расстоянии около 100 метров и поэтому до него достаточно легко дойти от реки. Во-вторых, у подножья горы пролегает терраса, по которой протекает небольшой ручей, впадающий в Иртыш. Эта деталь подмечена и в дневнике. Выдающиеся параметры горы позволяют лучше всего рассмотреть пойму сверху. С оконечности мыса угол обзора местности может доходить до 300°.

Если принять версию, что отсчёт расстояния производился не от Потчеваша, а от пристани, расположенной с противоположной, западной стороны излучины, то корабль должен был причалить к пойменной террасе за Киселевской горой (Потчеваш). В таком случае их ожидала сеть таких «ручьев» шириной, видимо, как и сейчас 15-35 метров, протекающих по заболоченной местности. Через 200-1200 метров, преодолев эти преграды, необходимо было взобраться на крутые берега, поросшие густым лесом [3]. Истинным разочарованием после подъема на вершину коренной террасы было то, что угол обзора местности в самом лучшем случае мог составить около 120°.

В краеведческой литературе существует мнение, что в первый день плавания по окрестностям Тобольска был осмотрен Чувашский мыс [8, с. 40], дальше которого Романовы не двигались. При рассмотрении этой версии, обнаруживается ряд неразрешимых моментов. Действительно, с южной стороны мыса, которая не подтачивается водами Иртыша, по крутому лугу можно взобраться на мыс. В этом месте – это единственный подъем. Однако у подножья Потчеваша нет никакого ручья и, судя по ранним планам города, никогда не было. Таким образом, перейти ручеек, отмеченный в дневниковой записи, здесь Романовы не могли. Другой важный момент связан с безопасностью венценосных особ. У Потчеваша, как уже было отмечено, находилась паромная переправа. Следовательно, в этом месте всегда было достаточнолюдно. Известно как конвой боялся провокаций и до и после этих поездок. Учитывая топографию Киселевской горы, судно могло остановиться для высадки пассажиров в непосредственной близости у переправы. Прогуливаться же Романовым в многолюдном месте с небольшим конвоем, скрываясь от взглядов зевак, было бы верхом безрассудства.

Рис. 2. Топография р. Иртыш от Потчеваша до Саускановской горы (спутниковая съемка, материалы автора, архив ТИАМЗ).

Суммируя все эти факты, резюмируем, что данный участок за Киселевской горой протяженностью около 4, 5 км, как возможное место их остановки, следует

отбросить. Также нужно учесть, что выше по течению Иртыша, между этим местом и Саускановской горой также нет возможностей для удобного подъема. Здесь правый берег представляет вертикальную стену обрыва высотой до 60 метров. Невозможно взобраться на коренной берег и за Саускановской горой, так как на протяжении 12 километров от неё, вплоть до Абалакского монастыря, сплошной обрыв. Монастыря же корабль с Романовыми не достиг. Эта версия имеет хождение [5], однако реальных подтверждений ей нет. Таким образом, приведённые доводы свидетельствуют о том, что своим посещением путешественники удостоили именно Саускановскую гору (рис. 2).

Гора известна своим археологическим памятником под названием «Ханское кладбище». Впервые о ней упоминается в Ремезовской летописи, согласно которой Ермак «погреб своих» казаков, погибших 5 ноября 1582 г. в битве на Абалакском озере, «на Саусканском мысу..., на край мысу для признаки». Некоторые сведения о Ханском кладбище содержатся в литературе и архивных источниках. По данным Словцова, Ханское кладбище, функционировало до XVIII в. Но М.С. Знаменский описал его действующим еще в 1880-е гг. Памятник датируется средневековьем (XIII-XVI вв.), хотя есть и более поздние захоронения [4].

Следующим направлением их движений был Тобол. В дневнике Н. А. Романова вояж 11 августа описывается следующим образом: *«Днем пошли вверх по Тоболу. Высадились на левый берег, ушли по дороге, а вернулись вдоль реки с разными затруднениями веселого свойства [6, с. 648].* То же событие описано в дневнике Александры Фёдоровны, но с ошибкой направления течения реки: *«Спустились вниз по Тоболу, другие шли пешком. Я и М[ария] сидели на палубе [2, с. 76].*

Местом, где происходила эта пешая прогулка, вероятнее всего следует считать участок дороги близ деревни Суклем, в 5,5 км от устья Иртыша. Здесь неподалёку от впадения реки Суклем в Тобол всё еще прослеживаются остатки старой дороги, подходящей максимально близко к руслу реки на расстояние до 250 метров. Ближе к Тобольску и далее, вверх по течению Тобола, эта дорога отходит от русла уже на значительное расстояние. Река же Суклем в свою очередь выступает и как барьер для сухопутного передвижения.

Последнее посещение достопримечательностей близ Тобольска состоялось 12 августа. Н. А. Романов живо описывает это событие: *«В 3 часа спустились по Иртышу и пристали к подножью высокого берега, куда давно хотелось попасть. Немедленно влезли туда со стрелками и затем долго сидели на лысой сопке с чудесным видом. [6, с. 648].* По-прежнему немногословно описала этот день и Александра Фёдоровна, также ошибившись: *«Поднялись вверх по реке, а остальные сошли и пошли пешком» [2, с. 76].*

Уверенно опознается топоним, фигурирующий в дневнике – Лысая гора (сопка). Другое её название Сузгунская гора. С ней связано предание о младшей жене хана Кучума красавице Сузге, которая жила здесь в городке Сузге - Туре. Гора представляла собой останец, высотой около 70 м, с очень крутыми склонами, отделенный от верхней террасы правого берега Иртыша обширным оврагом и впадающим в него ложком.

В 1948 году памятник исследовали В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская. На основании изучения материалов из лога с этого места была открыта археологическая культура позднего бронзового века – сузгунская (Сузгун II). Памятник на горе, содержащий и средневековый слой XIII-XIV вв., получил наименование «Сузгун I» [9]. В конце 1960-х году при строительстве железнодорожного моста и железной дороги гора памятники были значительно разрушены. В первой половине 1980-х при строительстве второй железнодорожной ветки эти памятники были полностью уничтожены [1, с. 24].

В заключении отметим основные моменты, которые удалось прояснить при изучении дневниковых записей. Н.А. Романов с домочадцами останавливались в местах, удобных для высадки на берег, в достаточном удалении от населенных пунктов. Высокая коренная мысовая терраса Саускановской горы и останец Сузгунской горы, с которых осматривались окрестности, располагались на незначительном удалении от русла реки и были сравнительно легки для подъема. Подобных мест по Иртышу под Тобольском мало из-за обрывистых или крутых берегов, поросших лесом, топких прирусловых участков. Во-вторых, небольшие расстояния путешествий позволяют выделить перспективные участки, где проходили экскурсии. Максимальная удаленность плавания от границ нижнего города по Иртышу составляла до 11 километров. В этот же диапазон расстояний укладывается и плавание по Тоболу (рис. 3).

Рис. 3. Реконструкция маршрута движения Романовых по рр. Иртышу и Тоболу (6-13 августа 1917 г.).

Работа выполнена при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы ФНИ № 0408-2018-0001 «Изучение культуры населения северной лесостепи и южной тайги Западной Сибири (I тыс. до н.э. – II тыс. н. э.)».

1. Адамов А. А., Балунов И. В., Данилов П. Г. Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск, 2008.
2. Александра Фёдоровна (императрица). Последние дневники императрицы Александры Фёдоровны Романовой: Февр. 1917 г. – 16 июля 1918 г. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1999. 341 с.
3. Прирусловые участки рр. Иртыш и Ивановской. Фотосъемка 1949 г. // Альбом. Строительство затона в п. Сумкино // ГАУК ТО «ТИАМЗ». ТМ-11307/1 (ИФ-4565).
4. Белич И. В. Ханское кладбище // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, Уфа, 1997. С. 9–14.
5. Гриценко Н. В. Романовы в Тобольске // Тобольский хронограф. Вып. 3. Екатеринбург, 1998. С. 274 – 302.
6. Дневники императора Николая II (под ред. К.Ф. Шацилло). М., 1991. 737 с.
7. Коноплев Ф.С. Царь Николай Романов со своей семьей на пароходе «Русь» в 1917 г. в г. Тобольске // ОГБУК «Государственный исторический музей Южного Урала». ЧОКМ ОФ-1972 (ФН-7786).
8. Михайленко Е.О. Духовная святость // Реликвариум. № 8. Тобольск, 2008. С. 40-41.
9. Мошинская В.И. Сузгун II – памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири // Материалы и исследования по археологии СССР, № 58. М., 1957. С. 114-135.
10. Сулимов В. С. Романовы и Абалакский монастырь // Советская Сибирь. № 7. 01.01.2010.

Саманцов А.П., Трофимова В.С.

Краткий обзор системы электронного документооборота «Диалог»

*Таврическая академия (СП) ФГАОУ ВО КФУ имени В. Вернадского
(Россия, Симферополь)*

doi: 10.18411/lj-12-2018-03

idsp: ljournal-12-2018-03

Аннотация

Внедрение цифровых технологий во все сферы жизни требует использования современных технологий, в том числе, и в сфере электронного документооборота. Для реализации этого проекта в Республике Крым была создана и опробована региональная система электронного документооборота «Диалог».

Ключевые слова: электронный документооборот, облачная система, цифровая экономика, электронный архив.

Abstract

Implementing the digital technologies into all spheres of life requires using modern technologies, including the field of electronic documents circulation. To implement this project in the Republic of Crimea, the regional electronic documents circulation system «Dialogue» has been created and tested.

Key words: electronic documents circulation, cloud system, digital economy, electronic archives.

В настоящее время в Российской Федерации разработано большое количество систем электронного документооборота. Появляются новые СЭД, которые разрабатываются специально для конкретного региона. После вхождения Республики Крым в состав Российской Федерации, возникла острая необходимость автоматизации делопроизводства и управленческих процессов. Для решения этой проблемы, а также для ускорения процесса вхождения Крыма в информационное российское пространство была создана региональная система электронного документооборота «Диалог».

Система электронного документооборота «Диалог» – это облачная, автоматизированная информационная система, которая применяется для обеспечения юридически значимого электронного документооборота. Особенностью СЭД «Диалог» является приспособление системы для реализации межведомственного взаимодействия органов исполнительной власти [4]. Разработчиком системы является предприятие ГУП РК «Крымтехнологии».

Еще одной особенностью «Диалог» является применение облачных технологий, которые обеспечивают эффективную автоматизацию делопроизводства, минимизацию времени поиска документов в архивохранилище, коммуникацию с территориально удаленными подразделениями, защиту информации и документов.

Целями внедрения СЭД «Диалог» в работу органов исполнительной власти являются:

- организация безбумажного электронного документооборота;
- улучшение межведомственного взаимодействия государственных структур;
- оказание государственных и муниципальных услуг в электронной форме.

Основной задачей является формирование единого информационного пространства исполнительных органов власти и органов местного самоуправления. Система соответствует всем требованиям, которые установлены законодательством Российской Федерации в сфере информационных технологий, регулировании информационных систем, защиты информации.

СЭД «Диалог» выполняет следующие функции:

- обеспечивает регистрацию входящих, исходящих, внутренних документов, а также обращений граждан;
- посредством сканирования создает электронные образы документов, вносит их в систему, а также создает документы в системе;
- направляет документ к пользователю системы;
- обеспечивает согласование и наложение резолюций;
- формирует задания в соответствии с резолюциями;
- организывает совместную подготовку документов;
- визирует документы при помощи ЭП;
- отправляет документы;
- формирует отчеты;
- обеспечивает хранение документации.

В «Диалог» применяются современные средства защиты информации: средства криптографической защиты информации; программно-аппаратные средства защиты, включающие: средства идентификации пользователей в системе, средства разграничения доступа, антивирусные средства защиты, средства защиты от несанкционированного доступа, от сетевых атак, средства резервного копирования и обеспечения отказоустойчивости.

В системе предусмотрено создание электронного архива документов. Доступ к цифровым данным строго регламентирован. Основная функция электронного архива – долговременное хранение документов и обеспечение их сохранности.

В СЭД используется только электронная подпись, выданная Удостоверяющим центром. Сертификат ключа электронной подписи вносится Удостоверяющим центром в реестр сертификатов ключей подписей, не позднее даты начала действия сертификата [1]. Все эти меры направлены на защиту информации в «Диалог». В органах государственной власти разрабатываются регламенты, в соответствии с которыми сотрудники работают в системе «Диалог».

Таким образом, СЭД «Диалог», созданная специально для упрощения делопроизводства и эффективной работы органов исполнительной власти в Республике Крым, имеет следующие преимущества:

- обеспечивает безбумажный документооборот. Все действия с документом (регистрация, обработка, отправка, согласование, подписание) происходят в короткие сроки, только в электронном виде;
- предоставляет круглосуточный доступ из любого места. Пользователь, независимо от местоположения, может заходить в систему и иметь доступ к документам;
- в системе применяются различные средства защиты информации (программные, технические), что позволяет минимизировать риск утечки информации;
- возможность быстрого внедрения системы, вне зависимости от масштаба организации, объема документооборота в ней. К системе возможно подключение неограниченного числа пользователей;
- обеспечение юридически значимого документооборота, достигается применением технологии электронной подписи, необходимой для определения лица, подписавшего документ, для установления внесения исправлений в документ после его подписания.

Система также предполагает использование смешанного (электронно-бумажного) документооборота. «Диалог» соответствует всем требованиям, предъявляемым законодательством РФ в сфере автоматизации делопроизводства и архивного дела [3]. «Диалог» не уступает таким современным и уже хорошо зарекомендовавшим себя

системам электронного документооборота как «ДЕЛО» и «Directum», она имеет такие же возможности и аналогичный функционал. Затраты на внедрение «Диалог» будут значительно меньше, а качество не хуже. Помимо этого, для реализации некоторых действий другим СЭД необходимо подключать дополнительные модули и решения, а «Диалог» этого не требует. Кроме того, «Диалог» имеет наиболее доступный и понятный интерфейс, что позволяет сотрудникам быстро ориентироваться в системе и легко обучаться. В Республике Крым в 2015 году был дан старт работе СЭД «Диалог». Внедрение системы в муниципалитеты продолжается в настоящее время. Это необходимо для организации межведомственного взаимодействия на всей территории республики [2].

Можно сделать вывод, что система хорошо совмещает в себе такие характеристики как цена и качество, и СЭД «Диалог» является наиболее оптимальным решением для государственных органов власти.

1. Об электронной подписи: федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63 (в ред. от 23.06.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 15. – Ст. 2036.
2. Галицкая, К.А. Проблемы внедрения и функционирования информационно-коммуникационных технологий в деятельности органов власти / К.А. Галицкая // ЭГО: Экономика. Государство. Общество. – 2015. – № 3. – С. 1–8.
3. Ермолаева, А. В. Организация документооборота в органах исполнительной власти: теория и практика / А. В. Ермолаева // Делопроизводство. – 2012. – № 1. – С. 20–25
4. О системе электронного документооборота «Диалог»: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dialog.krtech.ru/about/>

РАЗДЕЛ II. ФИЛОСОФИЯ

Васюков В.Л.

Макростратегии диалога культур

*Институт философии РАН
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/lj-12-2018-04

idsp: ljournal-12-2018-04

Аннотация

Рассматривается стратегический подход к проблеме диалога культур, заключающийся в методе отбора культурных универсалий, наиболее значимых в контексте диалога и для данных коммуникантов. Предложено четыре стратегии, представляющие собой общие инструкции интерпретации для каждой конкретной коммуникативной ситуации, позволяющие соотнести контексты диалога с определенными наборами культурных универсалий, общими для коммуникантов.

Ключевые слова: культура, толерантность, диалог, универсалии, стратегии

Abstract

A strategic approach to an issue of the dialogue of cultures is submitted which is based on the method for the selection of cultural universals most valued in the context of dialogue and for given communicants. Four strategies are proposed being common instructions applied in any particular communicative situation. They allow to link dialogue contexts with definite set of cultural universals being common for communicants.

Key words: culture, tolerance, dialogue, universals, strategies

Наблюдающийся в последнее время кризис идей мультикультурализма приводит к необходимости нового взгляда на специфику диалога культур и ключевые моменты межкультурной коммуникации. Мультикультурализм, понимаемый, с одной стороны, как «многокультурность», в конечном счете оказался направленным против культуры как общенационального явления, приводя к ее фрагментируемости. С другой стороны, понимаемый как «культурное разнообразие», как проповедующий этнические, расовые и субкультурные предпочтения в экономической, политической и культурной сферах общественной жизни, вместо искоренения дискриминации и достижения «равенства» различного рода меньшинств с национальным большинством привел к разрушению диалога культур как процесса взаимодействия, взаимовлияния разных исторических культур и установления определенных форм их сосуществования.

Если рассматривать провал мультикультуралистской программы как следствие неразработанности теоретических вопросов диалога культур, то в первую очередь следует уделить внимание его целям и направленности, поскольку сам по себе диалог не самоцелен, он не может быть целью, но лишь средством выполнения некоторой программы по решению определенной проблемы.

Описывая понятие диалога культур, В.С. Степин пишет: «Взаимодействие культур... имеет разную направленность. В первом случае взаимодействие культур ориентировано на тот тип модернизации, в котором страны, достигшие лучших успехов в техногенном развитии, предлагают свою версию техногенных ценностей и свой образ жизни как идеалы и образцы, которые должны быть восприняты менее развитыми странами. Во втором случае на смену односторонней трансплантации ценностей приходит диалог культур, предполагающий равноправное партнерство и уважение к

культурным традициям. Диалог культур в этом случае обретает своего рода сверхзадачу — отыскать ценности, обеспечивающие выход из глобальных кризисов» [1, 264].

Взаимодействие культур в первом случае, по сути дела, имеет характер глобализации, ведущей к углублению и уплотнению в масштабах всей планеты многообразных общественных связей, достижению нового, более высокого уровня интегрированности, целостности и взаимозависимости в экономике, коммуникациях, финансах, политике, культуре и др. областях общественной жизни. Однако, как показывает анализ этого явления, помимо того, что глобализация часто вызывает неприятие и противодействие тех, кто отстаивает национальную специфичность культуры и экономики отдельных страны — здесь возникает еще и опасность подмены понятий в том случае, когда глобализация расценивается как универсальная тенденция, детерминирующая особенности кросс-культурного диалога, как некий принцип, по которому все оценивается, как высшая инстанция.

М.М. Бахтин в свое время писал, что никакая из сторон диалога никогда не может отдать всего себя и свою выражаемую позицию на полную и окончательную волю кому-либо близкому и всегда предполагает присутствие какой-то высшей инстанции ответного понимания. В разные времена и при разном миропонимании этот «нададресат» выглядит по-разному, принимает разные конкретные идеологические выражения (бог, абсолютная истина, суд беспристрастной человеческой совести, народ, суд истории, наука и т. п.). Бахтин отмечает, что «каждый диалог происходит как бы на фоне ответного понимания незримо присутствующего третьего, стоящего над всеми участниками диалога (партнерами)... Указанный третий вовсе не является чем-то мистическим или метафизическим (хотя при определенном миропонимании и может получить подобное выражение) — это конститутивный момент целого высказывания, который при более глубоком анализе может быть в нем обнаружен. Это вытекает из природы слова, которое всегда хочет быть услышанным, всегда ищет ответного понимания и не останавливается на ближайшем понимании, а пробивается все дальше и дальше (неограниченно)» [2, 323].

В диалоге культур глобализация не может принять на себя роль высшей инстанции, потому что никоим образом не предполагает какого-либо ответного понимания, о котором говорит Бахтин. Не случайно глобализация часто вызывает неприятие и противодействие тех, кто отстаивает самобытность своей культуры, не без оснований предполагая ее разрушение в процессе глобализации. Многие исследователи в этой связи противопоставляют понятия «глобализация» и «глобализм», связывая последний с тенденцией к унификации культурных предпочтений человечества и навязывая всему миру одну-единственную культуру. Начиная с эпохи Возрождения, культурная глобализация прошла через «французское», «английское» и «американское» влияния с расширяющимся географическим ареалом. В связи с последним этапом культурной глобализации, который часто рассматривается просто как американизация, некоторые исследователи, такие как, например, У. Бек вообще предлагают узкую трактовку глобализма как целенаправленной и планомерной деятельности в сфере хозяйства, политики и культуры, которая связана со стремлением США к мировому господству [3].

Более привлекательной альтернативой глобализации выступает универсализм — универсальное мировоззрение, религия или философия. Универсализм здесь выражает, с одной стороны, стремление к установлению монистической, единой, синтетической мировоззренческой установки, а с другой стороны, он предполагает и некий теоретический универсальный «кодекс» (методологию) поведения сторон в условиях многообразия жизненных ситуаций. Современное движение универсализма, по мнению его приверженцев, призвано привести к выявлению и расширению такой общей платформы, которая позволяет выйти за рамки диалога и приблизиться к осуществлению устойчивых постоянных связей, к признанию совместной реализации общих ценностей

[5, 18]. Однако не все разновидности универсализма кажутся приемлемыми: универсализм как универсальная цивилизация подразумевает кристаллизацию в результате действия глобализации мегацивилизационных, интегрирующих тенденций, что явно ведет к неспособности «ответного понимания», о котором было сказано выше.

Практическая возможность реализации универсализма основывается на идее толерантности [5, 19-20]. Кажущаяся парадоксальность здесь заключается в том, что реализация универсальной монистической позиции, претендующей на уникальность, оказывается возможной лишь с помощью плюралистической толерантности, подразумевающей разнообразие мнений. Но на самом деле способность терпеть «нетерпимое», свойственна лишь тем, кто обладает добродетелью толерантности, когда неважно, испытывает ли он при этом чувство отстраненности, безразличия, стоического притягивания, любопытства или восторженности.

Поскольку человек, в качестве кантовской последней цели природы, согласно проведенному в работе [5] анализу, представляет собой не принцип, не мета-принцип, но скорее мета-мета-принцип, то для его реализации требуются гораздо более конкретные принципы. При этом задача заключается не просто в выборе этих принципов, но в совместной деятельности по их реализации, сознаем ли мы это, или нет, согласны ли мы с этим, или нет. Толерантность, подразумевающая существование плюрализма мнений, не запрещает взаимодействия по выработке общих совместных принципов. Весь вопрос заключается в стратегии этого взаимодействия.

И здесь возникают следующие варианты стратегий. Во-первых, мы можем попытаться объединить различные мнения. Мнения всегда подразумевают некоторый механизм получения следствий, а в случае объединения мнений следует объединять и эти механизмы. Тогда возможный результат объединения мнений предполагает терпимость к получению результатов из разных мнений несвойственным им путем. Ваша толерантность в этом случае является залогом успешного взаимодействия. Конечно, профан может попытаться сделать приземленные выводы на основе ваших высоких принципов, но не стоит с порога отбрасывать это практическое применение ваших чисто теоретических воззрений. Может оказаться и так, что сделанные вашим антагонистом выводы, будут для вас неожиданными и вам трудно будет поверить, что ваши воззрения и принципы могут быть так восприняты в чужом контексте смыслов, но и в этом случае эти выводы ни в коем случае не стоит отвергать с порога, не проверив их справедливость с позиции мнения другого. Во всяком случае, весь дальнейший диалог стоит вести с учетом подобных результатов и на основе видения каждым из партнеров позиции другого.

Во-вторых, можно действовать параллельно, фиксируя и перепроверя некоторый консенсус взглядов и смыслов на каждом этапе получения следствий из них. При этом каждая из сторон действует своим способом, не вступая в критическую дискуссию. Толерантность здесь требует определенного безразличия к способам вывода другого. Результат подобного процесса будет «параллелен» в том смысле, что вы приходите одновременно к разным выводам, они имеют разный смысл, но они не критичны друг к другу. Нечто подобное происходит при попытке рассказа слепому о живописной картине, развертывающейся перед вашими глазами, или глухому о музыкальном произведении, которое вы слушаете. Вас не должно смущать расхождение во мнениях на каждом этапе рассказа, для вас обоих ценность будет иметь только конечный результат.

В-третьих, можно заняться переводом своих взглядов на «язык» другого, перепроверя понимание ваших взглядов этим другим, и отказываясь от ваших выводов, если другой подвергает критике ваш «перевод». Следствие вашего принципа будет справедливым, если другой будет согласен с вашим выводом при любой его интерпретации. Вы должны быть толерантны к этим различным интерпретациям, доверяя тем смыслам, которыми другой наделяет ваши утверждения. Так, вы уверены, что из дерева можно делать красивые украшения. Скульпторы с вами согласны, однако ювелиры нет. Во втором случае к консенсусу вам не прийти. Следовательно, вам стоит

пересмотреть и расширить свою концепцию красоты украшений таким образом, чтобы она была понятной и скульпторам, и ювелирам. Возможно, стоит вести речь только об украшениях для детей и несовершеннолетней молодежи, когда накладывается ограничение на стоимость этих вещей.

Наконец, можно добиваться взаимной интерпретируемости ваших взглядов и взглядов другого. В этом случае вы должны быть не только толерантны к интерпретации другим вашего исходного принципа, но и приветствовать эту интерпретацию, подтверждая своей интерпретацией результат вывода другого. Это одобрение должно сказываться в том, что вы принимаете результат интерпретации ваших взглядов другим в качестве следствия своих воззрений, не подвергая эту интерпретацию критике и не отказываясь от нее. По сути дела, вы в этом случае доверяете другому формирование ваших рассуждений, осваивая и одобряя его способы действия.

Возвращаясь к описанию диалога культур, данному В.С. Стёпиным, заметим, что поиск ценностей во втором случае кросс-культурного диалога сопряжен как раз с установлением тех общих культурных универсалий, на основе которых и будет происходить поиск ценностей. Ведь именно смыслы культурных универсалий предопределяют сцепление, воспроизводство и вариации всего многообразия конкретных форм и видов деятельности, характерных для определенного типа культуры.

Очевидно, что поиск общих культурных универсалий для сторон диалога не представляет собой механический процесс, он не сводится лишь к отбору разделяемых обеими сторонами диалога понятий. Для этого часто требуется анализ этнических предубеждений в языке средств массовой информации, способа приобретения социальных знаний, формирования мнений и установок, выяснения идеологически пристрастных точек зрения и т.д.

В подобной ситуации на помощь приходит стратегический подход, заключающийся в отборе универсалий наиболее значимых в контексте диалога и для данных коммуникантов. Под стратегией здесь понимается общая инструкция интерпретации для каждой конкретной коммуникативной ситуации, позволяющая соотнести контексты диалога с определенными наборами культурных универсалий, как общими для коммуникантов, так и свойственным только каждому из них.

Обратим внимание, что Стёпин в вышеприведенной цитате указывает, что во втором случае взаимодействия культур в процессе кросс-культурного диалога «на смену односторонней трансплантации ценностей приходит диалог культур, предполагающий равноправное партнерство и уважение к культурным традициям». Но подобное равноправие и уважение достижимо как раз только на основе толерантности, подразумевающей существование плюрализма культур, и одновременно не запрещающей взаимодействие по выработке уникальных общих совместных принципов, способных заложить основу для кросс-культурного диалога. Более того, сам по себе плюрализм культур не является гарантией диалога культур, он всего лишь выражает констатацию наличия множества мнений и мировоззрений, ничего не говоря о том, как они между собой соотносятся. Требуется определенный кодекс (методология) поведения сторон в условиях многообразия жизненных ситуаций и мировоззренческих позиций. Как мы видели, подобный кодекс имплицитно описывается стратегиями толерантности. По-видимому, эти стратегии способны послужить образцами и в случае диалога культур.

Итак, исходя из вышеизложенного, каковы же будут стратегии формирования набора универсалий? Простейший случай заключается в объединении культурных универсалий во всеобщую совокупность, позволяющую использовать их комбинации, релевантные для данного контекста. Опасность в этом случае заключается в возможности одновременного применения взаимно противоречащих понятий, что приводит к абсурду и логической некорректности выводов. Выходом могло бы быть обязательное использование неклассической аргументации в дальнейшем контексте (например,

паранепротиворечивой, в которой допускается одновременное принятие двух взаимно противоречащих положений, поскольку применяемые правила рассуждений не приводят к произвольности следствий – во всяком случае не всегда).

Характерным примером является, например, наблюдение этнографами верований африканского племени азанда. В этом племени верят в то, что ведьмы и колдуны могут быть обнаружены по наличию "колдовской субстанции", которая передается по наследству детям соответственно полу колдуна или ведьмы, и так как клан азанда – это группа лиц, биологически объединенных по мужской линии, то открытие того, что некоторый мужчина – колдун, ведет к выводу, будто колдунами являются все члены его клана. Хотя по верованиям азанда одни из кланов более близки к колдовской силе, нежели другие, они все-таки не считают всех членов первых кланов колдунами. Отсюда появляется несообразность в применении приведенного вывода: азанда понимают смысл этого аргумента, но не принимают его следствий, а в таком случае здесь возникает противоречие в общем понятии колдовской силы. Значит ли это, что наш диалог с азанда невозможен, раз они придерживаются противоречивых верований? Для азанда нет противоречия, хотя они его видят, но и мы способны теоретически видеть противоречие иначе, в рамках паранепротиворечивой логики, поэтому объединению наших культурных универсалий не грозит опасность абсурда (см. [2]).

Второй вариант стратегии диалога культур предполагает «параллельное» использование культурных универсалий. В этом случае мы сопоставляем универсалии, образуя из них некоторые пары, и поиск совместных ценностей приводит к ценностям, рассматриваемым и как ценности каждой из культур, и как совместные ценности. Вышеприведенный пример с этой точки зрения можно интерпретировать в рамках пар универсалий, если сопоставить «колдовской силе» определенные генетические свойства. Тогда исчезновение или возникновение колдунов в клане азанда зависит от генных мутаций и как следствие, не все члены первых кланов, и с нашей, европейской, точки зрения, обязательно были колдунами. И с позиции азанда, и с нашей позиции общее понятие колдовской силы имеет свой смысл, несмотря на логическое противоречие.

Еще один вариант стратегии диалога культур возникает также при сопоставлении культурных универсалий, но теперь это сопоставление имеет более развернутый характер. В этом случае принимая то или иное сопоставление разнокультурных универсалий, мы обязаны также принимать и выводы, полученные на основе подобного сопоставления. То есть, если в рамках диалога культур мы сопоставляем понятию одной культуры понятие другой, то вытекающие из этого последствия в рамках второй культуры должны быть осмыслены в рамках первой. И не только осмыслены, но и приняты – обратный «перевод» должен сработать.

Так, в диалоге с представителем рабовладельческой культуры понятию полноправного гражданина будет соответствовать понятие свободного гражданина, владеющего рабами. Свободный гражданин рабовладельческого общества обладает определенными правами, например, он может продать или убить своего раба, и это право всеобщее. Тогда при обратном «перевод» современный европеец может сопоставить это право с правом рабовладельца древнегреческого полиса и признать на этом основании справедливость подобного права, поскольку оно отвечает законам именно древнегреческого полиса. В дальнейшем диалоге подобная аналогия позволяет если не признавать, то хотя бы понимать и терпеть культурные отличия коммуникантов.

Наконец, четвертый вариант связан с одобрением сопоставления тех или иных культурных универсалий всеми коммуникантами. Так, если вы говорите о праве национальных меньшинств на автономию, то граждане некоторых стран (даже европейских) не будут согласны с вами, не считая это право повсеместным. В этом случае ваше формирование набора культурных универсалий для диалога должно учитывать это обстоятельство, и вы должны использовать только те культурные универсалии, которые приемлемы для вашего партнера по диалогу. Прийти к согласию по вопросам автономии

тогда можно лишь на основе учета и анализа аргументов, носящих конкретно-исторический характер, и особенностей мировоззрения партнеров по диалогу.

Таким образом, стратегический подход к диалогу культур, предполагающему толерантность, равноправное партнерство и уважение к культурным традициям, ориентированный на поиск ценностей, обеспечивающих выход из глобальных цивилизационных кризисов, позволяет выработать определенные теоретические макростратегии, пригодные в силу своей универсальности для использования в разнообразных контекстах и ситуациях диалога культур.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект "Кросс-культурный диалог и коммуникативно-антропологическая рациональность в условиях вызовов информационного общества" № 17-23-01010.

1. Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. — 408 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. — 445 с.
3. Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. — 304 с.
4. Da Costa N.C.A., Bueno O. & French S. Is there a zande logic? // History and Philosophy of Logic Vol. 19, Iss. 1, 1998. P. 41-54.
5. Васюков В.Л. Феномен толерантности: философский анализ основных интерпретаций // Философия и социальные науки, №4, 2016. С.16-20.

Куч Е.В., Хозеева Л.И., Хекоян А.А.

Система мотивации персонала

*Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева
(Россия, Кемерово)*

doi: 10.18411/lj-12-2018-05

idsp: ljjournal-12-2018-05

Научный руководитель: Золотухин В.М.

Аннотация

Данная статья посвящена системе мотивации персонала, в частности рассмотрены задачи и способы мотивации, проанализирована роль материальных и нематериальных способов мотивации на основе иерархии потребностей Абрахама Маслоу.

Ключевые слова: мотивация, стимулирование, мотивация персонала, способы мотивации.

В современном мире на любом этапе развития экономики можно сказать, что ни одна система на предприятии не может существовать, если она не будет содержать в себе систему мотивации труда, которая пробуждала бы работника продуктивно и качественно выполнять работу для достижения целей организации.

Система мотивации труда существует практически на каждом предприятии. Экономическая эффективность любого вида человеческой деятельности устанавливается преследуемыми целями, в основе которых лежат мотивы, интересы и потребности субъектов труда. [1] Мотивация – это деятельность, активизирующая и побуждающая персонал компании эффективно работать для выполнения целей организации.

Человек работает на предприятии для удовлетворения своих потребностей (деньги, статус, власть и т.д.). Усиление данного момента может быть посредством идеологии, с помощью которой существующее положение дел представляется как естественный порядок, легитимность которого не может быть подвергнута сомнению

[2, 122]. Главным мотивом деятельности работника являются деньги (зарботная плата), различные формы нематериального стимулирования. При отсутствии экономических стимулов деятельность может «мотивироваться внутренними, этическими или прочими неэкономическими причинами» [3, 101].

Однако и у предприятия имеются свои потребности, например, увеличение прибыли и/или повышении престижа компании. Исходя из потребностей предприятия, устанавливаются цели работников. Успех предприятия, в свою очередь, не может быть достигнут без работающих с полной самоотдачей сотрудников. Но цель и успех предприятия для сотрудников, как правило, не имеют значения, если у них отсутствует материальная и социокультурная мотивация.

Внутри организации мотивационная система призвана выполнять такие задачи, как стимулирование сотрудников качественно выполнять поставленные задачи, увеличение производительности труда, создание корпоративной культуры и позитивного настроения внутри команды, увеличение степени лояльности сотрудников к предприятию. Важным аспектом является достижение взаимоприемлемых компромиссов между всеми субъектами трудовых отношений [4, 125]. Без достижения компромисса говорить об удовлетворении потребностей нецелесообразно.

Также не нужно забывать о том, что система мотивации труда работников предприятия должна быть динамичной и постоянно совершенствоваться, иначе возникнет угроза лишения высококвалифицированных работников на производстве. Увлекать, а главное, удерживать на предприятии сотрудника с высоким профессиональными и квалифицированными качествами – важнейшая задача, управлять которой допустимо только при совершении высокого уровня мотивирования персонала. [5]

Мотивация тесно связана с потребностями человека, необходимость удовлетворения которых является движущей силой к различным действиям. Виды мотивации работников можно разделить на такие основные группы как материальные (экономические) и нематериальные. Исследуя роль материальных и нематериальных видов мотивации необходимо обратить внимание на положения теории мотивации А. Маслоу. Анализируя пирамиду потребностей А. Маслоу, К. Уланов отмечает, что, в зависимости от степени их возрастания (физиологические потребности, потребности в безопасности, социальные потребности, потребности в признании и уважении, и потребности в самовыражении) [6] расширяется спектр самих потребностей. В конечном итоге, это зависит от степени реализации «качества жизни» [7, с. 71], границы которого определяются в соответствии со «стандартом «качества жизни» [8, с. 152].

Таким образом, можно сказать, что деньги (материальные способы мотивации) способны удовлетворить только два низших уровня потребностей. Из этого следует, что применение только материальной мотивации сотрудника будет эффективно лишь некоторое время. После удовлетворения потребностей низшего уровня работник почувствует неудовлетворенность в потребностях высших уровней. Поэтому важно применять нематериальные методы мотивации и стимулирования персонала.

Экономические (материальные) способы мотивации и стимулирования работников разделяют на три группы – денежное и неденежное вознаграждение, а также система штрафов.

Денежное вознаграждение включает в себя увеличение заработной платы, надбавки и премии, размер и условия социального пакета, страховку, льготы, корпоративные скидки, денежные бонусы. Неденежное вознаграждение заключается в реализации социальных проектов – создание благоприятных санитарно-эпидемиологических и экологических условий, улучшение технического оснащения рабочего места сотрудников, путевки в санаториях и/или оздоровительных лагерях для детей работников, билеты на различные культурные мероприятия.

Главная цель штрафов в системе стимулирования персонала заключается в недопущении определенных действий сотрудников, которые способны каким-либо

образом навредить работе компании. К системе штрафов можно отнести материальное наказание отдельного сотрудника за опоздание, невыполнение плана и прочие административные нарушения, снятие премий с сотрудников за неудовлетворительные результаты работы в определенном периоде или нарушение каких-либо внутренних стандартов работы. Отметим, что система штрафов будет эффективна только в тесной привязке с бонусами, поощрениями и премиями. Очень важно найти «золотую середину», стремясь реализовать на практике принцип социальной справедливости.

К нематериальным методам относят возможность карьерного роста, профессиональные конкурсы и розыгрыши призов, культурные мероприятия внутри организации, корпоративы, комфортные условия труда (зоны отдыха, корпоративные обеды, спортзалы и т.д.), а также поздравления со значимыми датами сотрудника (день рождения, свадьба, юбилей, рождение ребенка). [6]

Еще раз отметим, что в современном мире невозможно эффективно управлять компанией, не достигшей заинтересованности персонала, которая не может существовать без наличия мотивации. Предприятие не сможет достигнуть успеха, если сотрудники не будут работать с полной самоотдачей. Очень важно построить систему мотивации на предприятии таким образом, чтобы сотрудники, работая в данной организации, чувствовали удовлетворенность своих потребностей, а также были привержены целям, миссии и принципам, которые не только декларируются, но и реализуются в компании.

1. Богатырева, М. Р., Хатмуллина, А. Ф. Проблема мотивации работников здравоохранения // Социосфера. - 2013. - №3. - С. 35-37
2. Ибрагимова Д.Х. Деньги, гендер, власть в домохозяйстве: концептуальные подходы // Экономическая социология, 2016. - № 2. - Т. 17. - С. 116-145.
3. Боулз С. Моральная экономика: почему хорошие стимулы не заменят хороших граждан // Экономическая социология, 2016. - № 2. - Т. 17. - С. 100-128.
4. Золотухин В.М. Толерантность в сфере трудовых отношений. // Вестник Кузбасского государственного технического университета, 2005. – № 4–1 (48). – С. 123–127.
5. Галимова А. Ш. Заработная плата как фактор мотивации к труду [Электронный ресурс] / А. Ш. Галимова, Л. Ф. Галимова, А. Р. Тимербулатова // Вестник ВУиТ – 2015.– режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/zarabotnaya-plata-kak-faktor-motivatsii-k-trudu>
6. Уланов К. Виды мотивации персонала: разбор основных способов с примерами [Электронный ресурс] / К. Уланов. – Электрон. текстовые дан. – режим доступа: <http://kirulanov.com/vidy-motivacii-personala-razbor-osnovnyx-metodov-s-primerami/>
7. Золотухин, В. М. Социокультурные основания реализации и регламентации потребностей в контексте исследования качества жизни / В. М. Золотухин, М. В. Козырева // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 37-1. – С. 68-75.
8. Золотухин В.М. Социально-философская интерпретация «качества жизни» / В. М. Золотухин, М. В. Козлова, В.А. Щенников // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – № 2 (50). – С. 151-155.

Маслова А.В.

Научное познание в пространстве кросс-культурного диалога

МГЛУ

doi: 10.18411/lj-12-2018-06

idsp: ljjournal-12-2018-06

Аннотация

В статье анализируется процесс развития научного познания, который происходит в неразрывной связи со сменой способов существования и мышления. Сегодня мы обнаруживаем существенные изменения не только в осмыслении природы, но и мышления, самопознания человека в целом. Эти изменения основаны на ценностях западноевропейской культуры. Рассматривается идея культурных

предпосылок европейской цивилизации, которые определяют специфику научного познания, выявляя глубинные основания для диалога культур.

Ключевые слова: способ существования, научное познание, гибкая рациональность, диалог культур, современное антропологическое пространство.

Abstract

The article is devoted the process of development of scientific knowledge. This process occurs in an indissoluble connection with the change of way of existence and way of thinking. We observe significant changes not only in the comprehension of nature, but also in thinking and self-knowledge of man as a whole today. This changes are based on the values of the Western European culture. The idea of cultural premises of European civilization, which determine the specificity of scientific knowledge, revealing the deep bases for a dialogue of cultures is devoted.

Key words: way of being, scientific knowledge, flexible rationality, dialog of culture, modern anthropological area.

Специфика научного познания

Изменение самопознания происходит в связи с развитием технологий, которые меняют реальность, в которой пребывает современный человек. Его сознание оказывается погруженным в технореальность, создание которой является следствием научных открытий, что выводит нас на ценностные основания и принципы, которые определяют дальнейшее развитие науки и техники. Необходимо прояснить взаимосвязь процесса научного познания, и культурного контекста, в которого оно осуществляется.

Становление европейской науки, научного познания происходит под воздействием внутренних интеллектуальных преобразований каждой эпохи. Выделяют три различных способа существования и соответственно три этапа развития европейской рациональности. Это эпоха Античности, Средних веков и Нового времени. Также по способу существования различаются разные культуры. Если в рамках европейской культуры мы выделяем ее исторические этапы, то здесь берутся отдельные культурные локации. Это китайская, японская, индийская, арабо-мусульманская и др. культуры. Интересно, что характер становления научного познания в этих культурах различен и важной задачей философии является выявление глубинных оснований этого различия. Рассмотрим исторический этап, когда сформировалась наука в русле западноевропейской культуры, а именно, эпоху Нового времени.

Для этого этапа характерно волевое преобразование мира, предстоящего как объект. Хладнокровие и сухость науки хорошо отражает эту скрытую установку времени. Идти напролом ради цели, пренебрегая зачастую этическими, моральными принципами как раз характеризует способ существования данной эпохи. Именно с этого исторического момента наука приобретает свои четкие предметные границы; преобразуется из «рассмотрения действительного» как особой формы созерцания многообразного и сложноорганизованного мира в «сеть, которую мы забрасываем, чтобы уловить “мир”, чтобы рационализировать, объяснить его и господствовать над ним»[15, с.341], т.е. познать его. Мир природы превращается в арену действия скрытых законов, которые проявляются под действием света разума. Природа теперь не храм, не целостный космос, а мастерская воли человека. Итак, меняется представление о природе, ее силах и месте человека в ней, также устанавливаются субъект-объектные отношения человека и природы. Это принципиально важно для прояснения специфики культурного

самосознания, которое зависит от фундаментальных установок по отношению к природе и самому себе в контексте эпохи Нового времени, тенденция которой поддерживается в последние несколько веков.

Обратимся к пониманию науки, как она видится самими учеными. Интересно определение известного современного ученого физика А. Дзикаки. Он пишет: «**Наука** заставляет наш интеллект работать так, чтобы делать *Открытие*. **Наука** не может *изобрести* новый закон природы. **Наука** может *открыть* новый закон природы»[4, с.23]. Однако это вовсе не должно означать, что законы уже существуют в готовом знаковом виде и как бы *предзаданы* познающему субъекту, но указывает лишь на то, что до появления науки не были объяснены многие феномены. С ее появлением они обрели смысл и стали понятны благодаря таким важным функциям научного познания, как описание, объяснение и предсказание. Отсюда можно сделать вывод, что перед ученым стоит задача расшифровать природу и облечь в понятийную форму результаты такой расшифровки. Природа, словно книга, написанная на языке математики и не только. Обнаружение генетического кода, где геном представляет собой буквально предложения, написанные на особом языке со своей «грамматикой» вносит существенный вклад в расширение книги Природы. Методы расшифровки этой книги постоянно развиваются, однако, человек остается в своем теле, практически не подверженном изменениям уже несколько десятков тысяч лет. Несмотря на колоссальный прорыв в науке и технологии, человек, тем не менее, утратил множество своих навыков, он стал менее выносливым, менее чутким к природе и степень его реакций значительно снизилась. Это очевидно, ведь нет больше необходимости подвергаться опасности для добывания пищи и обеспечения безопасности в целях дальнейшего выживания. На современном этапе своего развития западная цивилизация позволила человеку отгородиться от дикой природы, дав возможность создать новую реальность, полностью основанной на техническом оснащении. Однако для нас интерес представляет механизм, при котором остаются неизменными процессы в сознании, которые ведут к научному открытию. Сознание в данном контексте мы рассматриваем в широком смысле, как основание для разных видов мыслительной глубинной мозговой деятельности.

Итак, по одну сторону находится книга Природы, написанная на тех языках, которые нам доступны, по другую сторону, человек со всем богатством своей природы сознания, перед которым стоит задача расшифровки текста книги Природы. Момент такой «расшифровки» связан с рациональным научным методом с применением известных языков наук, а также с проявлением внерациональных когнитивных способностей, таких как интуиция, предсказание, чувствование. Взаимосвязанность рационального и внерациональных способов познания позволяет прийти к открытию в науке, которое способствует прогрессу, а в своем пределе – приближает к истинному знанию. Считалось, однако, что только рациональные методы имеют место в научном поиске, тем не менее, современное научное познание выходит за пределы чисто рационального поиска фундаментальных основ бытия и нуждается в новом философском обосновании. Обращаясь к эпистемологическим основаниям научного познания, неизбежен выход на субъективный уровень, во второй мир (по Попперу). Это область системы ценностей, мировоззрения, стереотипов, авторитетов, а также мыслей, психологических аффектов и интуиции, где происходит процесс угадывания, фантазирования, свободного рождения идей. Здесь мы подходим к тем проявлениям сознания, которые базируются на логике определенной культуры. Так, эта логика

становится основанием для формирования различных типов мышления, закрепленная в языке и способе существования определенной культуры, прояснив которую становится возможен диалог культур [11].

Для прояснения культурных предпосылок для возникновения западноевропейского типа научного познания обращусь к пониманию различия между наукой и философией А. Бергсона. Его мысль состоит в том, что наука нацелена на действие, на подчинение природы человеком под его воздействием, она подвергает анализу застывшую ткань бытия, а философ «стремится к симпатии», которая есть «взаимопроникновение, взаимопричастность разных частей универсума» [1, с.33]. Здесь мы видим два подхода к познанию мира, на основании чего можно предположить, что эти подходы также характеризуют отношения, которые устанавливаются между природой и человеком в разных культурах. В этой связи интерес представляет пример, который приводит Судзуки для понимания разницы мироощущения западной культуры и восточной. Он обращается к поэзии, к выговоренному состоянию души двух поэтов относительно цветка: Басё и Тэннисона. Для первого характерно созерцание и благоговение перед живым существом, которое представляет его ценность саму по себе. Для английского же поэта, представляющего дух Нового времени характерен динамизм, целенаправленность действия с целью анализировать, а значит, разложить, расчленить, провести «вивисекцию» цветка [14. С. 6-10]. Здесь сталкивается совершенно два разных способа существования, инкорпорированных в японской и западноевропейской культурах.

Поиск единства многообразия путей и методов познания объективной реальности состоит в обращенности к глубинным основаниям мыслительного процесса, в частности, в выходе на когнитивный уровень открытия. Здесь я буду опираться на понятие гибкой рациональности, которое характеризуется как ментальная способность к свободному и осознанному (внутренне контролируемому сознанием) проявлению творческих интенций в процессе научной деятельности. Это важная характеристика позволит внести еще одно уточнение в процесс научного познания - это ценностные ориентиры и предпосылки научного исследования. Таким образом, единство онтологии, гносеологии и аксиологии как взаимодополнительных понятий может быть основой содержательного развития философии 21 века, в частности, философии науки.

Рассмотрение предпосылок сознания, с которыми происходит взаимодействие с книгой Природы позволит нам проявить априорные установки различных познавательных ситуаций. Конечно, не только наука является ареной для диалога культур, однако, специфика научного поиска позволит расширить диапазон рассмотрения феномена диалога культур.

Метафора книги Природы, на наш взгляд, позволяет рассматривать научное познание, как расшифровку текста, написанного на разных языках. Природа, подобно тексту подвергается анализу и толкованию ученых совершенно разных культур, при этом объединяя их, она разделяет ученых самым принципом своего устройства, разграничивая специальные области научных исследований. Таким образом, понятие культуры получает свое применение не только в области исторического бытия, но и в науке. Возникают культуры со своим специфическим языком, а значит и логикой разных научных направлений, таких как, биологическое, физическое, и т.д., а также возникает культура гуманитарного исследования. Последняя призвана сегодня примирить споры, ведущиеся в разных областях знания, а также наметить путь преодоления тупиков, как в области научного познания, так и в области гуманитарного

знания, а именно, в разрешении конфликтов разных культур между собой в историческом контексте.

Современное антропологическое пространство диалога культур

Условием для диалога является понимание, но на одном понимании невозможно построить интересного, продуктивного диалога, дискуссии, для этого важно еще одно условие – область того, что еще не понято хотя бы одним из оппонентов. Полное совпадение семантического пространства устранило бы необходимость в какой-либо коммуникации, т.к. создалась бы ситуация безмолвного принятия передаваемых смыслов.

Подобно научному исследованию, развитие культуры происходит посредством взаимодействия между разными культурами, инаковость которых позволяет прояснить основания собственной культуры и прийти к принятию другого, отличного от собственного способа жизни. Отмечу, что с середины прошлого века происходит процесс глобализации, который сопровождается размыванию культурных различий и утверждения одной модели развития культуры, а именно западноевропейской. В конце прошлого века уже можно увидеть появление транснациональных корпораций, внедрение интернета, развитие туризма и проникновение одной культуры в другую. Однако это не приводит к стабильности в обществе, а наоборот расшатывает его, нивелируя различия культур, тем самым, снижая устойчивость общества, ослабляя его путем устранения культурного многообразия.

Нарастающие межнациональные конфликты стимулируют враждебность между странами, а в условиях доступности новых технологий в военном секторе эти конфликты становятся смертельно опасными для всего мира. Для нас здесь важно проанализировать глубинные предпосылки, которые обострили взаимодействие принципиально разных культур. Одной из таких предпосылок является изменение сознания современного человека, которое возвращено в лоне западноевропейской цивилизации.

Одна из граней антропологической рациональности является восприятие исторического процесса. На этом уровне осмысления бытия «Человек уже не чувствует себя участником истории как непрерывно движущейся из прошлого в будущее. Скорее он чувствует себя сегодня участником процессов (множественное число здесь принципиально важно), имеющих место в мире как а-центрированной системе. Мир становится системой, организованной по типу ризомы, если употребить здесь концепт Ж. Делёза и Ф. Гваттари, — системой, в которой изменения её состояния не имеют единого центра, но возникают лишь временные центрации как эффект протекающих в системе процессов.» [5, с.82].

Мир развивается по так называемой «логике сенсаций», где информация должна обязательно задеть эмоционально, потрясти, но не передать некий скрытый смысл. Важно не истинность или ложность поставленного знания, а скорость его поставки потребителю. Человек становится «одномерным», легко внушаемым и пассивным. Формируется новый тип человека, homo aesonomicus трансформируется в одноразового человека, который становится объектом манипуляции со стороны властных структур, внедряющих новые технологии. Таким образом, обостряются отношения индивида и власти, индивида и социума, западноевропейской культуры и ценностей других культур. Происходит взаимодействие с обострением, все это характеризует общество риска, где малейшее изменение может привести к разрушению хрупкого информационного общества. Это все характеризует современную антропологическую

реальность, в которой происходит диалог культур. Интересно, что сама постановка проблемы диалога культур возникает на почве западноевропейской культуры мышления, которое в основе своей диалогично. Еще Сократ указывал на двойственную природу мышления, чтобы был возможен диалог с самим собой, с собственной душой, что является принципиальным условием познания самого себя. Из этой максимы следует, что для познания культуры необходимо раздвоится и направить диалог на самопознание. Но для масштаба целой культуры раздвоение происходит в момент соприкосновения с другой культурой, как принципиально иным.

Норвежский философ Ларс Сведсен отмечает, что «человек – мирообразующее существо, существо, которое активно конструирует свой мир, но, когда все превращается в готовый код, активное конструирование мира становится лишним, и нам уже не хватает разногласий по отношению к миру» [10, С. 43]. Наличие разногласий является условием диалога, который, подобно симфоническому оркестру, воспроизводит музыку разговаривающих душ. Известная практика заботы о себе, возделанная на благодатной почве культуры древней Греции, постепенно утрачивает свое значение в жизни человека, а это и есть познание самого себя через понимание.

Культура диалога представляет собой неоспоримую ценность, которая утрачивается в современном обществе, скрываясь за информационным облаком безличности. В связи с ростом компьютеризации, человек постепенно утрачивает те навыки, которые он применял раньше. Например, письмо, оно становится неким рудиментом, поскольку печатание на клавиатуре убыстряет и облегчает работу с тем или иным текстом. Однако нивелируется навык письма, испокон веков характеризующий образованность человека. На фоне этих процессов создается такая наука, как гуманология, которая изучает «постчеловеческие» или «постгуманитарные» феномены современности [9, с.87]. Ключевым здесь является понятие информации. Информационное поле, через которое происходит получение знаний, имеет свои источники. Важно отметить, что не вся информация является знанием, однако человек получает ее через: экспрессию генов, ощущение, восприятие, интуицию, рефлексия. Таким образом, он находится в эпицентре информационных потоков, которые он получает от разных источников. Более того, как отмечает Д. Глик: «Вселенная, таким образом, рассматривается как компьютер – космическая машина для обработки информации» [3, с.18]. В этом ключе можно предположить, что и человек является своеобразным компьютером, обрабатывающим колоссальные потоки информации. Однако не стоит поддаваться редукционистским настроениям, которые не решают проблему сознания, а значит и проблему искусственного интеллекта. Наоборот, подобное представление о человеке умаляет в нем истинно человеческое, а именно, его духовную составляющую, которая проявляется в контексте каждой культуры и имеет неоспоримую ценность для всего человечества.

Подводя итог данной статьи, резюмирую основные положения, которые были выдвинуты. Рассматривая специфику научного познания мы обратились к истории и обнаружили разные способы существования, которые можно экстраполировать на разные типы культур. Так, в древней Греции не было разделения на субъект и объект, что создает условие для научной познавательной ситуации, поэтому человек понимал себя как объект среди объектов, что характеризует приведенный пример с цветком. В Средние века такое отношение к миру изменилось на субъект-субъектное отношение, в котором человек познавал мир как субъекта, в высшей своей форме в виде Бога, божественной сущности. Человек Нового времени становится совершенно на

противоположную сторону, для него мир – это объект его субъективных стремлений преобразовать и изменить природу, чтобы господствовать над ней. Далее происходит углубление и распространение такого отношения к природе на области других культур, происходит процесс глобализации. Здесь возникает потребность в диалоге культур, как средстве нивелирования межкультурных конфликтов.

Изучение глубинных основ каждой культуры поможет лучше понять собственную культуру, а также выведет кросс-культурный диалог на качественно новый уровень, на котором будет возможно осознанное признание ценностей другой культуры. Поэтому задачей философии сегодня, на наш взгляд, является вскрытие базиса каждой культуры и целостный подход к разным видам ее проявлений.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект "Кросс-культурный диалог и коммуникативно-антропологическая рациональность в условиях вызовов информационного общества" № 17-23-01010.

1. Блауберг И.И. «Философская интуиция» Анри Бергсона – размышления о сущности философского творчества // Философский журнал 2016. Т. 9. № 2. С. 24–36.
2. Влияние интернета на сознание и структуру знания/ Ответств. ред. Розин В.М. - М.: ИФ РАН, 2004. – 239с.
3. Глик Джеймс Информация. Теория. Поток. М., 2013 – 576с.
4. Дзикаки Антонио Творчество в науке. М.: УРСС.2001. – 240с.
5. Лызлов А.В. Состояние постмодерна или к позитивному осмыслению нашего времени // Вызовы глобального мира. Вестник ИМПТ, №2 (6). М.:2015. С. 80 – 87.
6. Масалова С. И. // Гибкая рациональность уплотнения научного знания: когнитивный аспект / Вестник томского государственного университета. №2 (10), 2010. С.32 – 45.
7. Меликов И.М., Гезалов А.А. Диалог культур и культура диалога: концептуальные основы // Вопросы философии. №12, 2014. С.24 – 34.
8. Миронов В.В., Миронова Д.В.Г Мультикультурализм: толерантность или признание? // Вопросы философии. 2017. №6. С. 16-28.
9. Проектный философский словарь: Новые термины и понятия / под. Ред. Г.Л. Тульчинского и М.Н. Эпштейна. СПб.: Алетейя, 2003. – 512с.
10. Сведсен Ларс Философия скуки. М.: Прогресс-Традиция. 2003. – 256с
11. Смирнов А.В. Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл. М. 2015. – 712с.
12. Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы. М.: «Навигатор», 2015. – 564с.
13. Философия познания. К юбилею Людмилы Александровны Микешиной: сб. ст./ под общ.ред. Т.Г. Щедриной.- М.: РОСПЭН, 2010. – 663с.
14. Фромм Э., Судзуки Д., Р. Де Мартино. Дзен-буддизм и психоанализ. М.: 1997. – 240с.
15. Popper K. Unended quest: An intellectual autobiography. Fontana. 1976, p.270.

Шульга Е.Н.

Коммуникативно-антропологическая рациональность и социальная коммуникация

*Институт философии РАН
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/lj-12-2018-07
idsp: ljjournal-12-2018-07

Аннотация

Статья посвящена философским аспектам рациональности, рассматриваемой в контексте проблематики социальной коммуникации. Характеризуются некоторые ключевые аспекты изучения рациональной коммуникативной деятельности, выясняется философский и теоретический статус коммуникативно-антропологической

рациональности и ее методологический потенциал. Специальное внимание уделено рассмотрению коммуникации, направленной на понимание и взаимопонимание людей в кросс-культурном диалоге.

Ключевые слова: научная рациональность, рациональная коммуникация, коммуникативно-антропологическая рациональность, диалог, объяснение, понимание, культура

Abstract

The paper deals with the philosophical aspects of the rationality considered in context of problems of social communication. Some clue aspects of studying rational communicative activity are examined, philosophical and theoretical status of communicative-anthropological rationality and its methodological potential are ascertained. A high emphasis was placed on communication as an activity aimed at comprehension and human mutual understanding in cross-cultural dialogue.

Key words: scientific rationality, rational communication, communicative-anthropological rationality, dialogue, explanation, understanding, culture

Изучение рациональности традиционно связано с философским опытом освоения научно-теоретического пространства, в контекст которого сегодня активно включаются вопросы социального и культурно-исторического значения. Для исследователей это означает, что, с одной стороны, появляется острая необходимость в определении статуса самой рациональности как деятельности мышления и познания. С другой стороны, включение социокультурного аспекта изучения в проблематику рациональности делает актуальным поиск новых методов и подходов, адекватных столь сложному объекту.

Рациональность, познание сущности которой происходит на общем фоне рассмотрения условий становления рационального мышления в сфере научной деятельности, может рассматриваться в качестве методологического образца понимания рациональной коммуникации внутри социума. В основе этого взгляда на проблему лежит уверенность в том, что существует определенная закономерность как в формировании конкретного стиля мышления, так и в формировании рациональных образцов социального поведения, в организации кросс-культурного диалога. Такие «образцы» рационального поведения, действия и диалога возникают в культуре не случайно – они коренятся в «образе мира», в наших представлениях об организации мира с его рационалистической онтологией и установкой на основополагающее определение самого разума (*рационально то, что разумно!*).

В целом, при всей широте проблематики рациональности и концептуальном многообразии существующих подходов к рациональности, мы, тем не менее, будем придерживаться точки зрения, согласно которой разумность научного познания и разумность социальной реальности рассматриваются как соотнесенные друг с другом. Безусловно, на этом пути неизбежно появление сразу нескольких относительно самостоятельных проблем философско-методологического значения. Для научного познания – это проблема типологии рациональности с поиском соответствующих оснований для построения такой типологии. Для социокультурной ситуации – это выяснение дополнительных условий выражения рациональности (философского, эпистемологического и герменевтического значения), при которых связь между тем, например, как мы понимаем действительность и как мы ее объясняем – становится

очевидной, но требует дополнительной аргументации. Кроме того, необходимо прояснить смысл основополагающих понятий, которые помогают концептуальному выражению тех знаний о специфике рациональности, которые мы стремимся получить в результате исследования социокультурного аспекта. Таким образом, сама проблематика рациональности нуждается в конкретизации и концептуальном обосновании, в особенности в связи с определением статуса антропологической рациональности, рассматриваемой в контексте социальной коммуникации.

Как известно, философское обоснование научной проблемы связано с поиском таких оснований, в которых находит отражение специфика самого предмета исследования – в нашем случае речь идет о специфике коммуникативно-антропологической рациональности.

Следует подчеркнуть, что это новое философское понятие, используемое в отношении обоснованных действий, которые мы определяем как рациональные. Однако не только сфера осуществления этих действий (их специфика), но и определение концептуальных границ использования данного понятия требует конкретизации. Такая направленность исследования предполагает последовательное решение ряда задач: во-первых, согласование смыслового содержания рассматриваемого понятия и определение его концептуального контекста; во-вторых, оценка коммуникативно-антропологической рациональности как специфической интеллектуальной деятельности и выбор адекватной методологии, что обуславливает выход на фундаментальный уровень философского исследования. Наконец, выявление сущностной характеристики коммуникативно-антропологической рациональности, рассматриваемой в контексте диалоговой рациональности.

Список указанных аспектов, безусловно, будет расширяться по мере овладения предметом исследования. Не исключаю и критики отдельных положений, что, на самом деле, должно указать не столько на уязвимость их или слабую аргументацию, сколько на «открытость» теории к критике. Следует пояснить, что «открытость к критике» – это одно из методологических условий построения теории (или выдвижения концепции), подтверждающее динамичность самой проблематики, поскольку благодаря критике расширяется проблемное поле исследования и укрепляется его научно-теоретическая база. В первую очередь, за счет принципиально новых вопросов, которые возникают у исследователей по мере погружения в рассматриваемую проблематику. Это относится и к коммуникативно-антропологической рациональности, рассматриваемой в контексте межкультурного диалога.

На первый взгляд, понимание сущности коммуникативно-антропологической рациональности не должно вызывать затруднений в силу буквального смысла, который это словосочетание передает, поскольку под антропологической рациональностью понимают специфический характер деятельности человека. Встает вопрос: что представляет собой антропологическая рациональность, рассматриваемая как феномен в случае ее реализации на уровне коммуникативной деятельности? Как можно предположить, коммуникативный аспект рассмотрения расширяет диапазон обосновываемой концепции рациональности. Поэтому одно из направлений нашего поиска связано с обоснованием *концепции диалоговой антропологической рациональности*, что, по нашему замыслу, должно объединить сформулированные выше задачи исследования.

Итак, различая рациональность мышления и рациональность действия, рациональность ценностей и рациональность знания, рациональность здравого

рассудка и научную рациональность, мы выстраиваем типологию рациональности, подразумевая поиск оснований диалоговой антропологической рациональности. Здесь процесс аргументации связан с определением культуры как области, состоящей, по крайней мере, из двух видов рациональности: логики недискурсивного переживания и коммуникативной рациональности, в рамках которой люди согласовывают значения собственных восприятий, вводя их в общий контекст дискурса. При этом содержащийся в сфере социальных действий потенциал смыслов (постигаемых, проговариваемых, интерпретируемых) высвобождается в акте интеракции, благодаря которой как раз и происходит коммуникативное действие. Тем самым диалоговая рациональность воспроизводит приращение смысла; восприятие в свою очередь определяет связи смысла, на которых строится понимание и взаимопонимание людей. Причем процессы интерпретации, происходящие в актах коммуникации, характеризуются как социокультурные действия. К последним относятся и диалоговые коммуникации в науке.

«Коммуникация в науке, – как подчеркивает Я.С. Яскевич, – является необходимым условием ее функционирования и развития. В содержательном плане коммуникация в науке представляет собой совокупность различных видов профессионального общения, а так же взаимодействия исследователей и экспертизы полученных результатов в научном сообществе, обусловленных соответствующими социокультурными условиями, принятыми в культуре» [2, 57]. Таким образом, рациональность предполагает везде, где мы соприкасаемся с проявлениями разумной деятельности человека.

На первый взгляд, представление о человеческом разуме и тот смысл, который мы приписываем разумной деятельности (в любых сферах человеческой жизни) как раз и является для нас определяющим в выборе моделей социального поведения, в кросс-культурной коммуникации, научном дискурсе и практической деятельности. Между тем непосредственное признание факта разумности как «осмысленности» действий – это лишь первый шаг к решению проблемы рациональности, нацеленной на понимание (чего бы то ни было) и связанного с ним объяснения. В особенности, это характерно для выдвижения аргументов в научном объяснении, а так же для объяснения целенаправленных действий коммуникативного и диалогового характера, направленных к пониманию другого.

Напомню, что задача поиска эффективных способов «объяснения» традиционно (и так сложилось исторически) относится к области естественных наук, в отличие от наук гуманитарных с их методологией понимания и интерпретации. Однако в настоящее время существует и получает все более широкое распространение позиция, согласно которой «объяснение и понимание» не противопоставляются, но рассматриваются в контексте единого познавательно ориентированного процесса научного творчества. Так, Б.Г. Юдин, справедливо указывает на тот факт, что деятельность по построению научного объяснения (а к ней он относит всю теоретическую деятельность) невозможна сегодня без диалога, без коммуникации и дискурса. В результате, проблема противопоставления объяснения пониманию – снимается. Более того, подчеркивая роль социокультурной детерминации процессов научного познания, Б.Г. Юдин указывает на то, что «социокультурно детерминированным является то поле представлений, образов, аналогий, мыслительных ходов и т.п., которым оперирует исследователь» [1, 52].

Тем самым, посредством диалога конкретизируются условия согласованной рациональной деятельности непосредственно в науке, и эта деятельность сопряжена с такими внутренними, когнитивными проявлениями коммуникативно-антропологической рациональности, как осознание общей социокультурной ситуации и схожего понимания контекста обсуждаемой проблемы всеми участниками диалога. Например, «схваченного» в понимании.

В качестве условия успешной коммуникации здесь выступает «язык науки», или, в случае обсуждения философской проблемы – «язык философии», транслирующий общие философские или схожие культурные установки, общий характер знаний и представлений, вплоть до манифестации участниками диалога общих мыслительных стереотипов и т.п. Все это вместе как раз и передает наступление той *социокультурной ситуации*, в которой происходит сближение понимания и объяснения.

Более того, «сама процедура объяснения, – как пишет Б.Г. Юдин, – всегда и с необходимостью строится целенаправленно, причем целенаправленность эта задается тем, что объяснение должно обеспечивать понимание» [1, 54].

На основании этого наблюдения легко можно сделать вывод, что не только коммуникация предполагает объяснение (и наоборот), но в результате рационально выстроенного диалога как раз и наступает понимание.

Рассматривая проблему соотношения понимания и объяснения в контексте концепции научного познания, предложенной Б.Г. Юдиным, следует обратить внимание на то, что у него движение к пониманию через объяснение образует своеобразную трехмерную структуру. Прежде всего, это собственно рациональная составляющая, которая включает логический и математический аппарат, используемый в качестве каркаса теоретических построений. Их дополняет так называемая операционная составляющая – операции и нормы оперирования; наконец, модальная или образная составляющая, предполагающая наглядность и образность языка. Первая составляющая представляет собой логический каркас теоретической конструкции, а две последние составляющие рациональной деятельности обеспечивают содержательное наполнение этого каркаса [3, 101]. Таким образом, в рассмотренной концепции научного (рационального) познания, сама процедура объяснения весьма схожа с тем, как проходит диалог. На это указывают такие факторы, как соотнесенность процесса познавательной деятельности с текущей социокультурной ситуацией, т.е. учитывается аудитория и общий контекст обсуждаемой темы. Кроме того, это акцент на «тексте», «научном тексте», т.е. опора на концептуальном и теоретическом содержании предмета обсуждения. Другими словами, ученый всегда должен быть внутренне настроен на то, что выдвигаемая им аргументация будет понятна аудитории. Следовательно, такая деятельность должна быть принципиально коммуникативной, поскольку содержит в себе диалогические интенции, т.е. всю ту же дихотомию «понимание – объяснение».

Концепция научного познания Б.Г. Юдина интересна современным философам и весьма актуальна в связи с поиском таких рациональных форм межкультурного диалога и коммуникации, которые могли бы быть соотнесены с объективными процессами, наблюдаемыми не только в науке, но в обществе и культуре в целом. У Юдина, как мы видим, процесс познания не просто рационален или гипотетически приближен к рациональности, но может характеризоваться как широко применимый способ коммуникативной рациональной деятельности в науке и научном творчестве.

Этот же «каркас» коммуникативной *социокультурной ситуации* можно выделить, рассматривая проблему соотношения понимания и объяснения, как она

решается в гуманитарном познании, которое все еще нуждается в исследовании, но которое бы превосходило простую характеристику его как имеющего отношение исключительно к проблеме «понимания».

Аналогичный запрос можно наблюдать в отношении такой широкой гуманитарной сферы, как культура. На уровне оценки современных нам реалий с точки зрения гуманитарной ценности идей, следует признать, что понимание не исключается из так называемого диалога культур, но, напротив, все активнее утверждается значение рационального межкультурного диалога, поскольку именно диалог становится тем достоверным средством обмена смыслами, в результате которого становится возможным понимание и взаимопонимание людей.

Современные философы, изучающие многообразные стороны проявления социальной жизни людей, выделяют две большие, относительно самостоятельные группы социологических теорий: *структурные* или макросоциологические теории и парадигмы, в центре внимания которых общество, условия его организации и структурной целостности; и *интерпретирующие*, или микросоциологические теории и концепции, которые изучают человека, природу его поведения и действия. Особенность этого направления исследований состоит в нацеленности на понимании условий успешного взаимопонимания людей как внутри определенной группы и сообщества, так и на более широком уровне межкультурного взаимодействия. Появление все новых аспектов изучения социального поведения человека, наряду с выходом на фундаментальный уровень познания, в частности познания природы человека, стимулирует появление таких новых концепций, которые способны составить исследовательскую базу для философского обоснования антропологической рациональной коммуникации. Предполагается, что социальная коммуникация рациональна, если она осуществляется по рациональным правилам. Поэтому особо остро встает проблема выбора критериев рациональности коммуникативно обусловленных действий, ситуативности их видов – изучение этих аспектов коммуникации связано с выходом в сферу эпистемологии и методологии познания.

Важно подчеркнуть, что эпистемологическая оценка коммуникативно-антропологической рациональности влечет за собой конкретизацию ее ценностно-нормативных составляющих. Это значит, что, с одной стороны, рациональное поведение людей определяют нормы, принимаемые определенной культурной средой и традицией, а с другой стороны, рациональное поведение регламентируется идеалами общечеловеческого, гуманистического характера. В целом, такое «согласование» знания, норм и идеалов становится определяющим условием успешной коммуникации в диалоге, осуществляемом «по правилам», и эти «правила» сохраняют свои ценностные ориентиры и на уровне межкультурного взаимодействия. Кроме того, основанием успешной коммуникации является внутреннее приятие человеком того факта, что каждый участник интеракции осознает эпистемологические границы, в которых коммуникация становится возможной. Другими словами, он осознает то, что может быть адекватно понят другими.

Наряду с эпистемологическим аспектом изучения, другое направление в исследовании социальной коммуникации связано с проблемой формирования смыслов и значений, сопровождающих коммуникативный акт, что предполагает взгляд на интерпретацию как на интеллектуальную деятельность, основанную на знании ситуации и понимании смысла того контекста, который обсуждают стороны. При этом

участники интеракции интерпретируют, соотносят позиции и согласуют точки зрения, достигая взаимопонимания.

К числу известных нам теорий и концепций *интерпретационного направления* в изучении различных аспектов социальной коммуникации, относятся: концепция социального действия, символический интеракционизм, этнометодология, феноменология, герменевтика.

Так, сторонники концепции *социального действия* сходятся во мнении, что поведение людей можно понять и интерпретировать, раскрывая тот смысл и то значение, которое сами люди ему придают. Такова, в частности, позиция Макса Вебера, который полагал, что главная задача социологической науки состоит в изучении социальных действий и их интерпретации с целью понимания. Кроме того, социальная коммуникация призвана показать, как люди (с помощью коммуникативных приемов и методов) воспроизводят социальный мир, демонстрируя понимание значения тех или иных проявлений социальной жизни.

Еще дальше идет Никлас Луман: он и сближает понятия «коммуникативность» и «социальность», и разводит их. У него любые совместные социальные действия уже есть коммуникация. Поэтому коммуникация характеризуется как процесс атрибутирования, приписывания, конструирования действия, но самим действием не является.

Интересные вопросы коммуникации обсуждаются в рамках этнометодологии. Ее центральная идея сводится к утверждению, что процедуры описания действий тождественны действиям, с помощью которых участники коммуникации создают повседневную действительность. Такое взгляд на процесс коммуникации можно характеризовать как отождествление описания действительности с самой коммуникативной деятельностью (например, как два аспекта одного и того же явления). Иначе говоря, рациональность поведения в акте коммуникации выявляется в самом поведении, т.е. раскрывается непосредственно в результате реально происходящей здесь и сейчас коммуникации.

Между тем для понимания смысла того или иного социального действия необходима концентрация усилий на наблюдении и объяснении мотивов самого этого действия. Тот же самый принцип (метод наблюдения с последующим объяснением) сопровождает нашу повседневную жизнь и применяется в отношении истолкования событий, которые представляются нам важными. Предполагается при этом, что вещи, предметы, события воспринимаются точно так же другими людьми. С методологической точки зрения это значит, что здесь вступает в силу принцип очевидности объектов и смыслов, им предписанных (реализуясь через соотношение, или фактор «наблюдение – объяснение»). На более глубоком уровне этот феномен восприятия можно характеризовать как общую для всех людей способность понимания. Эта когнитивная способность проявляет себя и раскрывается на уровне социальной коммуникации как культурно-исторической адаптации смыслов к предметам, их выражающим. Поэтому можно утверждать, что существует отношение очевидного соответствия между тем, как высказывается нами то или иное намерение, и тем, как оно воспринимается другими людьми.

Аналогичная зависимость существует между сообщенными фактами, идеями, выдвинутыми гипотезами, предположениями, догадками, между пересказом мнений и восприятием их другими людьми. Такое соответствие становится возможным благодаря общим интеллектуальным реакциям; имеет отношение к языку, речи,

восприятию, поскольку тот, кто говорит, ожидает от слушателя, что озвученные, высказанные им идеи будут адекватно восприняты и в целом будут поняты. Тем самым адекватность восприятия и понимания нас другими людьми, которую мы ожидаем и на которую надеемся, зависит от языка. Но вместе с тем и от общего смыслового поля, как языкового, так и понятийного. Именно на этом уровне социальной коммуникации происходит процесс согласования мнений, соотнесения смыслов, как однозначно понятых, так и подвергаемых сомнению или критике. При этом рациональная стратегия социальной коммуникации такова, что учитывает необходимость соблюдения следующих предварительных условий понимания: сомнения должны быть мотивированы, а мотивация обоснована. Эти требования особенно актуальны при партнерском диалоге, когда целью является получение консенсуса мнений и воззрений.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект "Кросс-культурный диалог и коммуникативно-антропологическая рациональность в условиях вызовов информационного общества" № 17-23-01010.

1. Юдин Б.Г. Объяснение и понимание в научном познании // Вопросы философии, № 9, 1980. С.52-58.
2. Яскевич Я.С. Методология и этика в современной науке: поиск открытой рациональности. Минск. 2007. – 136 с.
3. Бекбосынова Ж.Б. Проблемы герменевтики (Понимание и интерпретация в культурно-исторической коммуникации). М.: Луч. 1992. – 166 с.

РАЗДЕЛ III. СОЦИОЛОГИЯ

Брагина М.Л.

Отток молодых специалистов из села как социальная технология

Пермский национальный исследовательский политехнический университет
(Россия, Пермь)

doi: 10.18411/lj-12-2018-08

idsp: ljjournal-12-2018-08

Аннотация

В статье рассматривается проблема увядания села из-за переезда молодых специалистов в город. Представлены основные причины оттока специалистов, а также государственные программы, являющиеся социальными технологиями по решению данной проблемы.

Ключевые слова: село, проблемы села, отток молодых специалистов, причины переезда из села, госпрограммы по решению проблемы оттока молодых специалистов.

Abstract

The article deals with the problem of village withering due to the relocation of young specialists to the city. The main causes of the outflow of specialists are presented, as well as government programs that are social technologies for solving this problem.

Key words: village, village problems, outflow of young specialists, reasons for moving from the village, state programs for solving the problem of outflow of young specialists.

Село – форма расселения людей, которые заняты в преобладающих случаях сельскохозяйственным трудом, отличающаяся от города малой концентрацией и небольшой численностью населения в пределах определенной территории. [9]

По данным Росстата на 02.04.2018 численность населения России составляет 146,9 млн. чел., из них 109,3 млн. чел. (74%) городского и 37,6 млн. чел. (26%) сельского. [11]

Многие жители села наблюдают негативную тенденцию - молодые и многообещающие кадры уезжают из родных земель.

В период с 2000 по 2015 гг. количество квалифицированных работников, занятых в сельском хозяйстве сократилось с 4071 тыс. до 2355 тыс. человек, т.е. произошло практически двукратное падение [3]

Все регионы России сталкиваются с нехваткой молодых кадров на селе. Причем, проблема с кадровым обеспечением сельской местности стоит остро не только в аграрной сфере, но и в отраслях образования, экономики, медицины и многих др.

Например, реформа здравоохранения привела к сокращению численности медицинского персонала на селе. В 2016 г. обеспеченность сельских жителей медработниками практически в три (2,8) раза ниже, чем жителей города, и не превышает 13,8 врача на 10 тыс. населения (в среднем по стране 38 врачей на 10 тыс. населения). [1]

Рассмотрим причины того, почему молодые специалисты пытаются после окончания вузов закрепиться в городе.

Одной из причин такой ситуации является *безработица в селе*. Уровень безработицы по данным Росстата за октябрь 2016 среди сельских жителей (7,6%) превысил уровень безработицы городских жителей (4,6%) в 1,7 раза, в феврале 2017

года уровень безработицы среди сельских жителей (9,0%) превысил уровень безработицы среди городских жителей (4,6%) в 2 раза.

Второй причиной является *низкий уровень жизни на селе*, отсутствие социальной инфраструктуры.

Не развита на должном уровне *транспортная инфраструктура*: есть сельские населенные пункты, которые не имеют связи с дорогами, имеющими твердое покрытие, с сетью дорог общего пользования региона. [2]

За 2015-2016 годы в 45 региона протяженность сельских дорог с твердым покрытием увеличилась только на 1,7%. Из 83,3 тыс. населенных пунктов только 52,7 тыс. соединены с сетью автодорог дорогами с твердым покрытием.[4]

На качество жизни на селе в значительной степени влияют и *жилищные условия*. Отсутствуют водопровод, канализация, газ, не все сельское население обеспечено доброкачественной водой. [2]

Отсутствие медицинских услуг влияет и на миграционные настроения, пятая часть (22,8%) сельчан выделили в качестве основных причин намерений переехать в город (“уеду точно”, “задумываюсь об отъезде”) именно “проблемы с медицинской помощью” [1]

Какие перспективы у молодых специалистов, которые хотят жить и работать в сельской местности. Государство заинтересовано в поддержании села, поэтому в связи с этим уже несколько лет реализуются программы по привлечению молодых специалистов в село.

Существует программа федерального уровня на период 2014-2020 годы **«Улучшение жилищных условий в сельской местности»**. Цель: улучшение условий проживания людей, которые заняты постоянно в сельской местности. Полученные средства можно использовать на покупку жилья или строительство. [2]

Условия, позволяющие участвовать в данной программе: трудоустройство или постоянное проживание в сельской местности; признание семьи или гражданина, нуждающимся в улучшении имеющихся жилищных условий; наличие 30% от стоимости приобретаемого дома или общей суммы на его строительство.[10]

Также важным условием является осуществление трудовой деятельности по договору или индивидуальное предпринимательство. Главное, чтобы объектом труда был агропромышленный комплекс или социальная сфера в селе.

Программа **«Молодой специалист на селе»** также введена с целью привлечения молодых специалистов на село.

Молодой специалист – это выпускник, который получил образование по профессиям профильных учреждений, в возрасте до 35 лет. Основное условие – трудоустройство в течение первого года после окончания учебы. [2]

Предусмотрены два направления господдержки:

1. обеспечение временным жильем молодых специалистов на селе;
2. предоставление им «подъемной» субсидии на улучшение условий проживания.

Для молодых педагогов предусмотрены в рамках этой программы специальные условия для приобретения недвижимости на селе:

- оформление ипотечного кредитования с использованием пониженных ставок;
- гибкие условия аренды жилья в домах государственного назначения.[8]

Действует также программа **«Устойчивое развитие сельских территорий на 2014-2017 годы и на период до 2020 года»**, которая включает следующие мероприятия:

1. улучшение жилищных условий граждан, проживающих в сельской местности, в том числе молодых семей и молодых специалистов;
2. комплексное обустройство населенных пунктов, расположенных в сельской местности;

3. грантовая поддержка местных инициатив граждан, проживающих в сельской местности;
4. поощрение и популяризация достижений в сфере развития сельских территорий.[6]

Программа Земский доктор на 2018-2019 направлена на стимулирование переезда молодых врачей в сельскую местность. Данная программа направлена на специалистов, имеющих диплом о высшем образовании.

Целевая помощь дает право на получение одного миллиона рублей. Использовать его можно на:

1. приобретение квартиры, дома или земли;
2. строительство жилья.

Цели программы заключаются в следующем:

1. совершенствование системы оказания медицинских услуг населению;
2. привлечение специалистов в село;
3. трудоустройство молодых докторов;
4. повышение уровня медицинского обеспечения жителей деревень;
5. соцподдержка специалистов, согласившихся на работу в сельской местности.[7]

Итак, видно, что все больше молодых людей хотят уехать из села в город. И этому есть некоторые причины, это и безработица, низкий уровень жизни, неразвитость инфраструктуры и т.д.

Все же село необходимо для развития экономики, так как является основным поставщиком продуктов сельского хозяйства, поэтому государство принимает различные меры для привлечения и закрепления молодых специалистов в селе.

1. Белова Н.И. Сельское здравоохранение: состояние, тенденции и проблемы // Социологические исследования. 2017. № 3 (395). С. 97-105.
2. Гусельщикова Н.Б., Цамакаева Г.П., Мегаева С.В. Проблемы и перспективы трудоустройства молодых специалистов в сельской местности СКФО // Вестник экспертного совета. 2017. № 2 (9). С. 68-73.
3. Смыслы сельской жизни (опыт социологического анализа) Под ред. Тощенко Ж. Т. Министерство образования и науки Российской Федерации, Российский государственный гуманитарный университет, Российская академия наук, Институт социологии РАН. Москва, 2016 – с.366.
4. Старкова О.Я. Государственная поддержка строительства сельских дорог // Экономика: экономика и сельское хозяйство. 2018. № 3 (27).
5. Кадры решают. Будущее села и агробизнеса. Режим доступа: <http://svetich.info/publikacii/apk-aktualno/kadry-reshayut-budushee-sela-i-agrobizn.html> [дата обращения: 12.12.2018]
6. Постановление Правительства РФ от 15 июля 2013 г. № 598 “О федеральной целевой программе “Устойчивое развитие сельских территорий на 2014 - 2017 годы и на период до 2020 года”. Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70319016/#ixzz5ZTL3jhis> [дата обращения: 12.12.2018]
7. Программа «Земский доктор» в 2018-2019 году. Режим доступа: <http://lgoty-vsem.ru/posobie/programma-zemskij-doktor.html> [дата обращения: 12.12.2018]
8. Программа «Молодой специалист на селе» в 2018-2019 году. Режим доступа: <http://lgoty-vsem.ru/lgoty/programma-molodoj-spetsialist-na-sele.html> [дата обращения: 12.12.2018]
9. Сельская местность: основные проблемы и перспективы развития. Режим доступа: <https://xreferat.com/84/3475-1-sel-skaya-mestnost-osnovnye-problemy-i-perspektivy-razvitiya.html> [дата обращения: 12.12.2018]
10. Улучшение жилищных условий в сельской местности программа. Режим доступа: <http://yur-zakon.ru/uluchshenie-zhilishnyh-usloviy-v-sel-skoy-mestnosti-programma.html> [дата обращения: 12.12.2018]
11. Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# [дата обращения: 12.12.2018]

Некрасова О.Н.

Информированность жителей Пермского края о правах и обязанностях при сокращении с места работы

*Пермский Национальный Исследовательский Политехнический Университет
(Россия, Пермь)*

doi: 10.18411/lj-12-2018-09

idsp: ljournal-12-2018-09

Аннотация

В данной статье рассмотрены основные права и обязанности сотрудников и работодателей при сокращении с места работы. Проанализирована информированность об этих аспектах среди жителей Пермского края.

Ключевые слова: безработица, сокращение, права и обязанности, социальная защита, наемные работники, работодатель.

В настоящее время в стране наблюдается финансовый кризис, который, в первую очередь, характеризуется массовым сокращением наемных работников. Многие организации, от самых маленьких до крупных предприятий вынуждены увольнять своих сотрудников, при этом чаще всего не предлагая никакой работы взамен. По данным РосМинТруда большими темпами растет количество безработных и к февралю 2019 года их станет около миллиона [1]. Стоит отметить, что к этому числу относятся только те, кто зарегистрировался в службе занятости. Многие не встают на учет после сокращения и увольнения по незнанию о том, что это необходимо.

К 2018 году некоторые даже успешные российские компании проводят сокращение своих сотрудников. Например «Ростелеком» планирует уволить 20% работников различных ниш – от управленцев до обсуживающего персонала. Такие же процессы наблюдаются на предприятии «АвтоВАЗ» несмотря на успешность новых моделей автомобилей и развитие компании. Заводы, мелкие фирмы отказываются от части персонала и по прогнозам ведущих экономистов в ближайшем будущем темпы сокращения наемных работников изменяться не будут [2].

Из всего вышеперечисленного вытекает острая проблема: большинство рабочих не знают о своих правах при сокращении, что позволяет работодателям уменьшить свои расходы или же ответственность. Конечно, не исключен вариант низкой информированности об обязанностях организации при сокращении и со стороны руководства. Именно это и хотелось бы выяснить. Знают ли работники о своих правах? Защищены ли они от последствий сокращения?

Рассмотрим основные моменты, которые должны знать сотрудники, если им грозит безработица. Согласно ТК РФ:

1. Работодатель обязан предупредить сотрудника о сокращении не менее, чем за 2 месяца в письменном виде. При этом, второй должен подписать документы о том, что он информирован и согласен.

2. Работодатель обязан предоставить сотруднику альтернативный вариант работы в своей организации или в какой-либо другой, при возможности.

3. В случае, если сотрудник сразу после сокращения встал на учет в службу занятости и не нашел работу в течение 3 месяцев, работодатель обязан будет выплатить заработную плату за данный период.

4. Работника не могут сократить если он находится на больничном или в отпуске. Так же под сокращение не могут попасть такие категории граждан, как матери –одиночки, беременные женщины, члены многодетных семей (родители более 3 детей) и т.д. [3].

Часто работодатели пренебрегают правилами. Просят написать заявление об увольнении по собственному желанию, что дает повод для вопросов будущим

работодателям этих же сотрудников. В 2018 году мы провели пилотажное исследование, в ходе которого выясняли информированность респондентов о правилах сокращения сотрудников. Всего приняло участие 70 человек, из них 6% сами являются работодателями, 53% являются наемными работниками и 41% респондентов – безработные.

Большая часть опрошенных уверены в том, что работодатель должен предупреждать сотрудника о сокращении за две недели или месяц. Всего 20% знают правильный ответ, при этом безошибочно ответили все работодатели.

Респонденты считают, что работодатель обязан предоставить альтернативный вариант работы при возможности (47%), что является правильным ответом. Однако 31% не знают о такой ответственности организации. Категории работников, которых не могут сократить известны большинству респондентов (90%).

Большая часть (72%) опрошенных правы в том, что необходимо встать на учет в службу занятости после сокращения, однако только 53% готовы сделать это сами. Больше половины информированы, что организация обязана выплатить заработную плату сотруднику, если второй не нашел работу в течении 3 месяцев, но лишь одна четвертая помнит о том, что это возможно при условии постановки на учет в службе занятости.

Исходя из всего вышеперечисленного стоит отметить, что жители Перми в большинстве своем информированы о правах и обязанностях при сокращении с рабочего места, но не в полной мере. Работодатели более осведомлены о законодательных мерах, исключение составляет вопрос о предоставлении альтернативного места работы. Для того чтобы улучшить данную ситуацию необходимо проводить просветительские мероприятия в старших классах, ВУЗах, то есть с теми, кто еще только является потенциальными работниками и работодателями.

1. МИНтрудРоссии [Электронный ресурс] URL: <https://rosmintrud.ru/opendata> (дата обращения 05.09.18)
2. Наша версия. 2017. №8 [Электронный ресурс] URL: <https://versia.ru/po-vsej-strane-proxodyat-massovyie-sokrashheniya--kogo-ne-tronut> (дата обращения 02.09.18)
3. "Трудовой кодекс Российской Федерации" от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 03.08.2018) [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 01.09.18)

Никитин М.С.

Влияние компьютерных игр на студентов Сургутского филиала Финансового университета

*Сургутский филиал Финуниверситета
(Россия, Сургут)*

doi: 10.18411/lj-12-2018-10

idsp: ljjournal-12-2018-10

Аннотация

Статья посвящена изучению влияния компьютерных игр на студентов Сургутского филиала Финансового университета.

Ключевые слова: студенты, колледж, опрос, компьютерная игра, влияние, негативная оценка, позитивное влияние, результат.

Abstract

The article is devoted to the study of the influence of computer games on students of the Surgut branch of the Financial University.

Keywords: students, college, survey, computer game, influence, negative evaluation, positive impact, result.

В отечественной литературе преобладает отрицательная оценка влияния компьютерных игр на развитие молодежи. Так, например Т. Акимова [1], Л.Н. Никитина [5], Т.Н. Артемьева [2], О.С. Масенькина [4] выделяют негативные последствия частой увлеченностью играми, в числе которых: потеря способности быстро переключаться на другие виды деятельности, оскудение эмоциональных переживаний ребенка, снижение творческого и исследовательского интереса, недостаток живого общения, которое необходимо для нормальной социализации и умения выстраивать отношения с окружающими людьми, нарушение передачи импульсов между нервными окончаниями, замедление работы мозга, психосоматические нарушения, снижение зрения, искривление позвоночника, пренебрежение личной гигиеной, проблемы с режимом сна и бодрствования, потеря аппетита и нерегулярное питание, раздражительность и злоба, рост эгоизма.

Конечно, это не весь список негативных последствий от компьютерных игр, но из выше приведённых, очевидно, что чрезмерное времяпровождение человека за компьютерными играми приводит к серьёзным негативным последствиям.

Наряду с отрицательной оценкой существуют и более нейтральные позиции авторов, учитывающих как отрицательное, так и положительное воздействие компьютерных игр на молодежь. Т.А. Волошина, О.С. Масенькина выделили, жанры игр, которые позволяют развивать полезные навыки. К таким жанрам относятся: квесты, стратегии, головоломки, азартные игры. А также спортивные и конвейерные ("Тетрис") игры. К положительным последствиям Т.А. Волошина и О.С. Масенькина отнесли: развитие логического мышления и терпения, грамотное распределение своих ресурсов, развитие интуитивного, иррационального мышления, развитие сенсомоторной координации, развитие внимательности [3,4].

На базе Сургутского филиала Финуниверситета в ноябре 2018 года был проведен социологический опрос среди студентов 1 курса на тему «Влияние компьютерных игр на человека», в котором приняло участие 97 респондентов.

Полученные результаты позволяют сделать вывод, о том, что компьютерные игры, по большей мере, не оказывают отрицательного влияния на студентов-первокурсников. Более половины опрошенных (59,7%) не играют в компьютерные игры. По гендерному признаку это в основном это девушки (около 53% от общего числа опрошенных). Но и играющих, а это почти все мальчики, не так мало - 40,3%. Всех опрошенных можно условно поделить на две категории по признаку их отношения к компьютерным играм на: играющих и неиграющих студентов.

Из числа первой категории - играющих студентов 66,6% предпочитают вечернее время для игр и продолжительность игр составляет более 4 часов.

С целью выявить возможные негативные факторы влияния компьютерных игр на социальное поведение опрошенных был задан ряд вопросов, которые опровергли гипотезу о причинно-следственной обусловленности чрезмерного увлечения компьютерными играми и отрицательными проявлениями в посещаемости, успеваемости и прочем. Студенты первой категории, практически не опаздывают (79,3% - не опаздывают), любят общаться (66,6%), предпочитают сюжетные игры (35,8%), в основном учатся на 4-5 (58,9%), редко ссорятся с близкими (79,4%), в ситуации выбора компьютерной игре предпочтут прогулку с друзьями.

Нельзя утверждать, что играющие в компьютер реже задействованы в иных видах деятельности. Общей чертой для обеих групп опрошенных является сниженный интерес к посещению каких-либо кружков или секций. Некоторые результаты позволили выявить обратное – вторая категория опрошенных - неиграющих студентов чуть чаще опаздывает (24,1%) чем студенты увлеченные компьютерными играми (20,4%).

Единственным, но самым несущественным отличием между группами респондентов является тот факт, что вторая категория студентов - более общительные и открытые (81%), и немного успешнее в учёбе (60,3%).

1. Акимов Т. Вред и последствие неумеренного увлечения компьютерными играми // http://detochka.ru/articles/a_4317/
2. Артемьева Т.Н. Из книги «Этот плохой хороший интернет» // <https://nsportal.ru/shkola/korreksionnaya-pedagogika..>
3. Волошина Т.А. Положительное и негативное влияние компьютерных игр на психику и здоровье человека // <http://sci-article.ru/stat.php?i=1451229806>
4. Масенькина О.С. Отрицательное и положительное влияние компьютерных игр на детей // <https://scienceforum.ru/2016/article/2016026974>
5. Никитина Л.Н. Последствие чрезмерного увлечения компьютерными играми у несовершеннолетних // <https://cyberleninka.ru/article/v/posledstviya-chreznm>

Рылов Д.А.

Россия глазами молодежи

*Пермский национальный исследовательский политехнический университет
(Россия, Пермь)*

doi: 10.18411/lj-12-2018-11

ids: lj-12-2018-11

Аннотация

В данной статье рассматривается роль молодого поколения в современной России. Представлены и проанализированы результаты социологического опроса, проведенной со студентами 3 курса Химического факультета ПНИПУ, с целью выявления мнения молодежи о ситуации в России.

Ключевые слова: молодежь, молодое поколение, численность молодежи.

Abstract

This article discusses the role of the younger generation in modern Russia. Presented and analyzed the results of a sociological survey conducted with 3-year students of the Faculty of Chemistry PNIPU, in order to identify the views of young people on the situation in Russia.

Keywords: youth, young generation, number of young people

В нашей стране в категорию молодежи попадают граждане России в возрасте от 15 до 30 лет [1].

По данным Федеральной службы государственной статистики за 2018 год, в России проживают 26,4 млн. молодых людей. Это 23% от общего населения страны [2].

Таким образом, можно сказать, что голос молодежи играет довольно большую роль в современной России, ведь численность молодого поколения составляет 1/4 от общего населения страны. Вместе с тем, в переломные моменты существования социума (например, такие как кризис, который на данный момент охватил всю Россию), именно молодежь оказывается самой незащищенной категорией населения, которая находится в своеобразном ценностном и духовном вакууме. [3, с.4]

По мнению многих экспертов молодежь постепенно становится довольно мощной политической и, что немало важно, протестной силой. Из данных доклада Центра экономических и политических реформ за 2017 видно, что аудитория на митингах значительно «помолодела» и активнее стала участвовать в подобного рода акциях [4].

С целью выявления мнения молодёжи о ситуации в России, в октябре 2018 года автором было проведено количественное исследование со студентами 3 курса Химического факультета ПНИПУ посредством такой методики, как социологический опрос. Были выделены следующие общие настроения молодых людей по поводу текущего положения дел в стране:

- 1) Почти все студенты считают, что в России увеличивается социальная поляризация в плане достатка. Имеет место быть чёткое разделение на богатых и бедных. При том, больше половины подчёркивает, что на Западе данной проблемы нет.
- 2) Говоря о смысле песни Цоя – «Хочу перемен», молодые люди интерпретируют её как протест на застой в различных сферах нашей стране (экономической, политической, социальной и т.д.), который присутствует на данный момент. Однако имеются и те, кто понимает смысл данной песни в том, что граждане хотят данных перемен, но сами не готовы ничего делать для улучшения положения.
- 3) Около 1/3 студентов заявляют о том, что средства массовой информации в нашей стране врут гражданам о реальном положении дел.
- 4) Что касается понятия «справедливости», то здесь мнения студентов разнятся. Одна половина студентов говорит о следующей формуле в нашей стране: Справедливость $\neq$ Закон (в пример приводят Запад, где справедливость – это не, что – то высшее, а закон, порядок и свобода, т.е. закон = справедливость). Другая половина наоборот утверждает, что в нашей стране справедливость = закон (все имеют равные шансы на образование, медобслуживание и т.д.).
- 5) Больше половины студентов утверждает, что в России высок % коррупции среди чиновничьего аппарата.
- 6) Интересен тот факт, что 1/5 студентов высказалась об умственной бедности молодёжи в нашей стране.

Таким образом, можно сделать вывод, о том что на данный момент большинство представителей молодого поколения недовольны ситуацией в нашей России. Однако, не нужно забывать и тот факт, что молодёжь — это социально-демографическая группа, чьи мировоззренческие и ценностные позиции находятся еще в стадии формирования и их замечания и требования не всегда могут носить объективный характер, ярким примером этого является устоявшееся мнение большинства опрошенных о том, что на Западе все проблемы решены и достаточно только «сделать как у них».

1. Первое Студенческое агентство. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://pervoe.online/news/student-v-teme/2611-poschitaem_molodezh/ (дата обращения 01.12.2018)
2. Федеральная службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения 01.12.2018)
3. Кубякин Е.О. Особенности формирования и проявления экстремизма в молодежной среде: монография / Е. О. Кубякин; М-во внутренних дел Российской Федерации, Краснодарский ун-т. - Краснодар: КрУ МВД России, 2011. - 181 с.
4. Центр экологической политики России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cepr.su/wp-content/uploads/2017/05/Молодежный-протест_причины-и-потенциал.pdf (дата обращения 03.12.2018)

Рылов Д.А.**Роль православного христианства в современном российском обществе***Пермский национальный исследовательский политехнический университет
(Россия, Пермь)**doi: 10.18411/lj-12-2018-12**idsp: ljjournal-12-2018-12***Аннотация**

В данной статье рассматривается роль православного христианства в современной России. Представлены и проанализированы результаты социологического исследования центра Pew Research Center, касательно христианской православной религии в Российском обществе.

Ключевые слова: христианство, православное христианство, религиозная идентичность.

Abstract

This article discusses the role of Orthodox Christianity in modern Russia. Presented and analyzed the results of a sociological study of the Pew Research Center, regarding the Christian Orthodox religion in Russian society.

Keywords: christianity, orthodox christianity, religious identity.

Согласно известному французскому социологу Эмилю Дюркгейму, религия - есть солидарная система верований и практик, относящихся к вещам священным, обособленным, запретным, верований и практик, которые объединяют в одну моральную общность, называемую церковью, всех, кто их принимает. [1, с.22]

Положение религии в современном обществе достаточно противоречиво, и оценить ее роль, возможности и перспективы однозначно попросту невозможно. Определенно можно сказать одно, что характерным и закономерным для современности процессом является развитие процесса снижения роли религии в жизни общества. Однако это лишь общая тенденцию, которая не исключает возможности усиления позиций религии, под влиянием благоприятно складывающихся для нее факторов в разных странах мира, в том числе и в России.[2].

На сегодняшний момент самой многочисленной мировой религий является христианство. А одним из основных и старейших направлений христианства является православное христианство.

Согласно данным исследования центра Pew Research Center за 10 мая 2017 года, в современной России наблюдается резкое увеличение доли населения, относящего себя к православному христианству [3]. В 1991 году доля граждан относящих себя к православным христианам составляла всего 37%, а к 2015 году этот показатель вырос до 71%. Примечателен тот факт, «возвращение» религии в страну, в которой некогда царили атеистические режимы, принимает впечатляющие масштабы, уровень религиозности граждан стремительно растёт.

Очень сильно расходятся показатели религиозных граждан Советского Союза и России. Только 15% россиян полагают, что российское общество было «очень религиозным» (3%) или «довольно религиозным» (12%) в 1970 и 1980 годы, в то время как 55% считают, что российское общество является «очень религиозным» (8%) или «довольно религиозным» (47%) на сегодняшний момент.

Значительная доля граждан (70%) считает, что православное вероисповедание является важной составляющей национальной идентичности: «истинный россиянин» должен принадлежать к Русской православной церкви.

Сегодня большое число православных христиан – и не только те из них, кто принадлежит к Русской православной церкви – придерживаются пророссийских взглядов. Большинство из них считают, что Россия необходима как противовес влиянию Запада. Многие люди полагают, что Россия обязана защищать не только этнических русских, проживающих за ее пределами, но и православных христиан в других странах.

Таким образом, можно сказать, что сегодня христианская религия играет важную роль в жизни граждан России. Как показывает статистика, с каждым годом количество православных христиан в стране увеличивается. В других православных странах показатели частоты отправления религиозных обрядов остаются относительно низкими. На фоне мирового снижения роли христианской религии в жизни общества, у России есть все шансы стать своеобразным мировым центром православной веры.

1. Дюркгейм Д.Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Эмиль Дюркгейм; пер. с фр. А. Апполонова и Т. Котельниковой; под науч. ред. А. Апполонова. — М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. — 736 с.
2. Социология религии как научная дисциплина. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://libsib.ru/sotsiologiya-religii/sotsiologiya-religii-kak-nauchnaya-distiplina/religioznaya-situatsiya-v-sovremennom-mire-ekumenicheskoe-dvizhenie> (дата обращения 06.12.2018).
3. Религия и национальная принадлежность в Центральной и Восточной Европе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/11/2017/05/10104852/CEUP-Overview-Russian-FOR-WEB.pdf> (дата обращения 14.12.2018).

РАЗДЕЛ IV. ПОЛИТОЛОГИЯ

Ставров И.В.

Способствуют ли СМИ улучшению сотрудничества между Россией и Китаем

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
(Россия, Владивосток)*

doi: 10.18411/lj-12-2018-13

idsp: ljournal-12-2018-13

Аннотация

Китайские и российские медиа идут в фарватере курса своих правительств в вопросах двусторонних отношений, они способствовали улучшению взаимовосприятия народами двух стран, что положительно сказывается на улучшении качества двусторонних политических, экономических и гуманитарных контактов.

Ключевые слова: СМИ, образ России в Китае, российско-китайские отношения.

Российско-китайские отношения в начале XXI века достигли беспрецедентно высокого уровня. В решении многих международных проблем наши страны часто выступают единым фронтом, что является важным фактором успешного их разрешения. Экономическое взаимодействие двух стран хотя и отстает от политического, тем не менее, имеет тенденцию, как к количественному, так и качественному расширению. Углубляются гуманитарные контакты: с начала XXI века были проведены национальные годы России и Китая, российские и китайские вузы принимают все большее число студентов из наших стран, происходит постоянный поток туристов. Средства массовой информации занимают важнейшее место в освещении двустороннего сотрудничества. Однако они не только освещают информацию, но и создают определенный образ страны, тем самым воздействуя на массовое сознание, а благоприятный имидж – важный фоновый фактор российско-китайских отношений.

Эволюция двусторонних представлений народов России и Китая имеет длительную историю. Ее отправная точка связана с установлением контактов Российского государства с Китаем. В XVII, XVIII и отчасти в XIX столетиях интенсивность торгово-экономических, политических и культурных контактов между империей Романовых и династией Цин была невысокой. Во второй половине XIX в., после заключения Айгунского и Пекинского договоров, вовлеченность России в "китайские дела" существенно возросла, соответственно с этого времени начинают накапливаться систематические знания соседей друг о друге. После революции 1917 г. интерес к Китаю был стимулирован развитием в этой стране революционного движения. Во второй половине XX в. с образованием КНР контакты правительств и народов двух стран существенно возросли. Согласно "Договору о дружбе, союзе и взаимной помощи" (1950 г.) отношения между СССР и КНР стали носить союзнический характер, начался так называемый "медовый месяц" российско-китайской дружбы. Благодаря этим контактам в обеих странах стал формироваться положительный образ государства-партнера, который отчасти сохраняется до сих пор у представителей старшего поколения. Немалую роль в формировании образа СССР как «старшего брата» и дружественного образа КНР в СССР сыграли СМИ, которые транслировали такие представления на широкую аудиторию. Однако межпартийные и межгосударственные отношения, испортившиеся в 1960-1970-х годах нанесли урон по

взаимовосприятию народов, что также нашло отражение во всех видах средств массовой информации.

После восстановления отношений вновь возросли контакты между двумя сторонами, начало активно развиваться экономическое сотрудничество. Открытие границ способствовало привлечению китайских мигрантов: граждане КНР работали в строительстве, сельском хозяйстве, сфере услуг. Довольно большой поток мигрантов из соседнего государства российским обывателем был воспринят неоднозначно. В 1990-е годы в России, особенно на Дальнем Востоке, начали возрождаться страхи по поводу "желтой угрозы", бытовавшие до Октябрьской революции. Эти фобии активно подпитывались рядом региональных политиков и СМИ, оказавшими некоторое деструктивное влияние на взаимовосприятие россиян и китайцев. И если жители приграничных территорий могли относиться к таким материалам более-менее взвешенно, то население центральной полосы России нередко воспринимало газетные публикации и новостные заметки по телевидению как правдивую информацию.

Алармистский задор СМИ в тот период подпитывался заявлениями политиков и чиновников различных рангов. Чтобы как-то успокоить население и создать видимость успешной работы, представители силовых структур Приморья рассказывали о выдворении чуть ли не 200 тысяч нелегальных мигрантов из КНР. Алармизм российских СМИ 1990-х и созданные ими стереотипы способствовал формированию в Китае образа нашей страны, как небезопасной. Распространение такого взгляда среди жителей КНР влияло на объемы гуманитарного и экономического сотрудничества.

С наступлением XXI века отношения РФ и КНР достигли очень большой высоты, и российские СМИ все реже используют сложившиеся фобии в отношении китайцев. Этому способствовали и изменения в миграционной политике, согласно которой иностранные граждане не могли выступать в качестве продавцов товаров. Усилился контроль за квотированием иностранной рабочей силы, что привело к снижению нелегально занятых иностранцев (не только граждан Китая).

Ко второму десятилетию XXI в. «шок» от наплыва иностранцев в России начал спадать, отношение к ним и, в первую очередь к китайцам, становится все более позитивным. Определенный вклад в формирование позитивного облика КНР внесли СМИ, в материалах которых вот уже почти два десятилетия все больше положительно окрашенной информации. Свидетельством роста симпатий россиян к Китаю являются результаты мониторинга общественного мнения, проводимого Лабораторией изучения общественного мнения ИИАЭ ДВО РАН. Материалы опросов с 1994 по 2010 гг. показывают, что все большее число жителей Приморского края симпатизирует КНР, желает посетить страну с туристическими целями. Растет привлекательность Китая как места приложения профессиональных компетенций.

В КНР СМИ также вносят свою лепту в формирование положительного восприятия России. Даже в самые сложные для нашей страны времена, ведущие информационные агентства Китая не «сгущали краски», а беспристрастно, а часто и с симпатией писали о России.

В региональных печатных медиа Китая, присутствует характерная беспристрастность в освещении информации, однако в ряде случаев в не явном виде присутствуют положительные оценки России и русской культуры. Например, сообщение об открытии на базе Харбинского педагогического университета китайско-российского Института культуры привлекает внимание имплицитно содержащейся высокой оценкой русской художественной культуры. Открытие этого института стало возможным благодаря сотрудничеству с Московским государственным академическим институтом имени В.И. Сурикова при Академии художеств России. В тексте новостного сообщения прямо не дается оценка русской культуры, однако говорится о том, что деятельность этого учреждения позволит «внедрить совершенно новую методику подготовки специалистов и оценку качества работы», «всесторонне повысить

уровень подготовки талантливых художников провинции Хэйлунцзян и даже всей страны», будет способствовать увеличению роли Хэйлунцзяна в развитии художественной культуры КНР. Таким образом, несмотря на отсутствие прямых указаний на высокий статус русского искусства, сотрудничество с одним из ведущих российских учреждений в этой сфере сможет существенно повысить конкурентоспособность провинции в данном виде деятельности. То есть в статье косвенно дается высокая оценка нашей страны через указания на те преимущества, которые следуют из сотрудничества в сфере искусства.

Имидж страны нередко соотносится с образом ее лидера. В Китае образ президента В.В. Путина оценивается очень высоко и в СМИ, и в публицистической литературе. Нередко в Китае от простых людей можно услышать положительные отклики о деятельности нашего президента. Обобщая многие из них китайский исследователь Ли Суйань несколько лет назад выделил пять преобладающих характеристик Владимира Владимировича: способный президент, дружелюбно относится к Китаю, у него хорошая личная жизнь и счастливая семья, он говорит правду, Путин не только президент, но и обычный человек.

В официальных СМИ Китая образ В.В. Путина связывается с усилением России, выведения ее из затянувшегося кризиса. В этом же русле приводятся его слова о том, что «распад СССР является крупнейшей геополитической катастрофой века».

В КНР не только издаются работы о В.В. Путине, но и его речи. Опубликовано по меньшей мере два сборника выступлений российского президента. Первый включает доклады, сделанные в период с 2002 по 2008 гг., а второй – с 2012 по 2014 гг. Эти книги содержат мнения В.В. Путина по самым разным вопросам внутренней политики, российско-китайских двусторонних отношений, внешней политики России. Интересно не только содержание данных сборников, но и визуальный ряд – книги снабжены различными фотографиями, посвященными официальным встречам, а также знакомящие с увлечениями российского лидера.

В КНР изданы публицистические работы для широкого круга читателей, посвященных биографии В.В. Путина. Так, в 2012 г. была опубликована книга Чжэн Вэньяна «Путин: он рожден для России» (переиздана в 2014 г.). Автор довольно положительно оценивает деятельность В.В. Путина на посту президента. Он отмечает заметные экономические достижения, рост благосостояния населения России, его роль в укреплении государственности и порядка в стране, снижения остроты чеченской проблемы. Именно благодаря этим достижениям объясняется высокий уровень поддержки со стороны населения. В целом автор создал позитивный образ российского президента, как сильного и принципиального политика, который смог изменить вектор развития России.

Таким образом, несмотря на то, что китайские и российские медиа нередко идут в фарватере курса своих правительств в вопросах двусторонних отношений, они явно, а иногда неявно способствовали улучшению взаимовосприятия народами двух стран друг друга, что положительно сказывается на улучшении качества двусторонних политических, экономических и гуманитарных контактов.

*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 16-31-01043-ОГН
«Образы России и Китая в зеркале средств массовой информации».*

1. Веремейчик, А.С. Вопросы современной китайской миграции в Россию в работах ученых КНР // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2014. №1. С. 50 – 56.
2. Галенович Ю.М. Россия в «китайском зеркале». Трактовка в КНР в начале XXI века истории России и русско-китайских отношений. М., 2011.

3. Иванов С.А. Изучение проблем современного приграничного и межрегионального сотрудничества Востока России и Северо-Востока Китая (по материалам журнала «Сиболия яньцзю») // Проблемы истории Китая и международных отношений в трудах китайских исследователей. Труды ИИАЭ ДВО РАН. Сер. Востоковедение. Т. XV. -Владивосток, 2011. С. 78-94.
4. Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Восточная Азия в общественном мнении Тихоокеанской России (по итогам опроса 2013 г.) // Россия и АТР. 2014. № 2. С. 5 – 19.
5. Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Окружающий мир глазами дальневосточников: эволюция взглядов и представлений на рубеже XX – XXI веков. – Владивосток, 2011
6. Ли Суйань. Образ В.В. Путина в глазах китайцев // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2009. №3.
7. Тен Н. От Пушкина до Путина: образ России в современном Китае. М., 2016.
8. Ли Суйань. Чжунго дэ элосы синсян = Ли Суйань. Образ России в Китае. Харбин, 2012.
9. Пуцзин вэньцзи = Путин В.В. Избранное (2002 – 2008). Пекин, 2008
10. Хэйлунцзян жибао. 2016.12.11

РАЗДЕЛ V. ФИЛОЛОГИЯ

Гусакова А.И.

**Эквивалентность и адекватность перевода
художественной литературы***Ростовский Государственный Экономический Университет (РГЭУ)
(Россия, Ростов-на -Дону)**doi: 10.18411/lj-12-2018-14**idsp: ljjournal-12-2018-14***Аннотация**

В данной статье рассматривается проблема эквивалентности и адекватности перевода художественной литературы, так как художественный перевод является одним из самых сложных видов переводческой деятельности. Особое внимание уделяется понятию художественной литературы в аспекте переводоведения, а также стилистическим особенностям художественного текста, и их адекватного перевода.

Ключевые слова: художественная литература; адекватность; перевод; стилистика; эквивалентность.

Abstract

This article deals with the problem of equivalence and appropriateness of the translation of belles-letters, because literary translation is one of the most difficult types of translation. Special focus will be on the concept of belles-letters in the aspect of translation studies, as well as the stylistic features of the text, and their way of translation.

Key words: belles-letters; appropriateness; translation; stylistics; equivalence.

Перевод художественной литературы имеет многовековую историю, и казалось бы, должен уже стать обыденностью для переводчиков. Однако, несмотря на это, в настоящее время перед переводчиками все еще стоит непростая задача – перевод художественного текста. Одной из основных проблем перевода художественной литературы является передача смысла оригинала и стилистических особенностей одновременно, поскольку зачастую при передаче смысла может теряться стиль, метафоричность текста и, наоборот, при передаче колоритности и особенностей текста может теряться смысл произведения.

«Художественный текст – это отдельное, индивидуальное произведение художественной речи, написанное определенным автором и на определенном языке, а так же целостная единица в системе подобных текстов». [3]

Если говорить о художественном переводе в общем и целом, то можно утверждать, что перед данным видом перевода стоят такие же цели и задачи, как и перед любым другим, а именно, передать смысл текста оригинала на язык перевода. Однако, художественный перевод по своей специфике разительно отличается от других видов перевода, поскольку предполагает определенный вид творчества от переводчика. Это связано с тем, что перевод одного и того же слова, словосочетания, предложения, метафоры, сравнения, метонимии может у разных переводчиков получиться различным, поскольку у всех людей разное мышление, воображение, слог и переводчики не исключение. Таким образом, если прочитать переводы определенного художественного произведения, сделанный двумя разными переводчиками, то, скорее всего, можно будет найти множество различий, особенно это будет заметно в поэтических переводах.

Язык художественной речи очень разнообразен по своему лексическому и грамматическому составу. Так как художественный текст несет в себе, прежде всего,

эмоциональную информацию, автор произведения старается, как можно больше разнообразить лексический состав. Для этого автор прибегает к обильной синонимии, антонимии и разнообразным тропическим средствам, таким как: метафора, метонимия, эпитет, сравнения, гипербола, перифраз. [2] Слова в языке соединены разнообразными смысловыми связями. Именно разнообразие языка художественной речи создает определенные проблемы для переводчика, поскольку ему надо совершить непростой алгоритм действий: понять смысл того, что хотел сказать автор и суметь грамотно донести суть до читателей и самое главное не потерять колоритность и особенность того или иного приема, передать художественную действительность произведения.

Следует разобраться, что же все-таки значит «эквивалентный» и «адекватный» перевод и есть ли разница между этими терминами. «Адекватность» и «эквивалентность» зачастую отождествляют, однако, все же между ними есть принципиальное отличие. «Адекватный перевод» – это хороший перевод, который содержит в себе как фактическую, так и эмоциональную составляющую текста в равной степени. Целью адекватного перевода является передача целостности текста, его коммуникативной интенции. В то же время под эквивалентностью подразумевается смысловая общность приравниваемых друг к другу единиц языка или речи, перевод, осуществляемый на уровне необходимом для передачи содержания исходного текста с соблюдением норм текста перевода. Эквивалентность – это максимальная близость текста перевода к тексту оригинала.[3]

По мнению многих отечественных и зарубежных лингвистов и переводоведов понятие «адекватный перевод» все же имеет более широкое значение, чем «эквивалентный перевод». Поскольку полная эквивалентность является неким идеалом, который далеко не всегда может быть достигнута при переводе, то случаи полной эквивалентности при переводе можно наблюдать, как правило, в относительно несложных текстах и коммуникативных условиях. Поэтому адекватный перевод, в свою очередь, носит оптимальный характер, поскольку нацелен на лучшее, что можно сделать в той или иной ситуации. [1]

Исходя из этого, можно говорить о том, что в художественном переводе понятие «адекватного» перевода все же чаще встречается, особенно в переводе поэзии, где часто можно наблюдать, как переводчик создает собственное видение иноязычного текста.

Если обратится к работам таких лингвистов, как Алексеева И. С. [1] Комиссаров В. Н. [2] следует отметить, что для достижения адекватности при переводе, переводчик должен профессионально использовать переводческие трансформации, а так же удовлетворять следующие требования которым должен соответствовать художественный перевод:

- 1) Точность;
- 2) Ясность;
- 3) Сжатость;
- 4) Литературность;

Таким образом, можно отметить, что художественное произведение имеет особенную, характерную стилистику. Поскольку художественный текст, прежде всего, является вымыслом автора, то автору предоставляется широкая возможность для свободного изображения событий и явлений и создания различных стилистических эффектов. Так как художественный текст имеет непосредственное влияние на эмоциональную сторону человеческого сознания, то автору необходимо прибегать к различным стилистическим приемам для создания особого восприятия текста. Произведение художественной речи, как правило, богато по своему лексическому и грамматическому составу, кроет в себе объективную и субъективную информации и преподносит их читателю в целостном единстве. Все это вызывает определенные трудности при переводе текста художественной литературы и требует от переводчика

высокого профессионализма и творчества для достижения адекватного перевода, посредством использования функциональных аналогов, переводческих трансформаций. Несмотря на то что, проблематикой перевода художественной литературы занимались многие знаменитые отечественные и зарубежные лингвисты, в настоящий момент адекватный перевод текста все еще является центральной проблемой переводоведения.

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.
2. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2009. – 188 с.
3. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводческий словарь / Л. Л. Нелюбин – М.: Наука, 2003. – 318 с.

Данилова И.В., Эльбикова Б.В.

Исследование уровня мотивации студентов к изучению английского и калмыцкого языков

*Институт Калмыцкой Филологии и Востоковедения, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова
(Россия, Элиста)*

doi: 10.18411/lj-12-2018-15

idsp: ljjournal-12-2018-15

Успех изучения языков во многом зависит от мотивации учащихся. Современные психологи и педагоги едины в том, что качество выполнения деятельности и ее результат зависят, прежде всего, от побуждения и потребностей индивида, его мотивации.

И.А. Зимняя считает, что «Мотивация является "запускным механизмом" всякой человеческой деятельности: будь то труд, общение или понимание» [4]. Проблема мотивации учащихся при изучении языков является актуальной, на наш взгляд, так как практическое владение иностранным языком стало насущной необходимостью и потребностью для современного человека.

На данный момент нет единого мнения или однозначного решения - что же такое мотивация в целом и мотивация учебной деятельности в частности. Одни ученые подразделяют мотивацию на внешнюю и внутреннюю, другие классифицируют интегративную и инструментальную мотивацию.

Важность формирования мотивации к изучению иностранного языка подчеркивается многими учеными (И.А. Зимней, П.Б. Гурвичем, А.А. Алхазишвили, Н.И. Гез и др.) [5, 3, 1, 2].

В данной статье мы рассмотрели проблему мотивации к изучению иностранного (английского) и родного (калмыцкого) языка.

По сравнению с английским языком проблема мотивации изучения калмыцкого языка является наиболее актуальной и стоит особо остро в Республике Калмыкия. По исследованиям ЮНЕСКО, калмыцкий язык является языком, находящимся под угрозой исчезновения. Согласно данным всероссийской переписи 2010 г. о владении калмыцким языком заявило всего 80 546 человек, что составляет менее 44 % от численности калмыков (183 372 (2010) [6].

Парадоксально, но получается, что и английский и калмыцкий языки для учащихся являются иностранными. В этой ситуации оба языка – трудные предметы и требуют приложения определенных усилий при овладении ими. В итоге происходит снижение мотивации изучения этих языков.

Ситуация языковая в Калмыкии придет (либо уже в принципе и сейчас существует) к *severely endangered language* (согласно ЮНЕСКО), при которой самыми

молодыми носителями являются бабушки и дедушки и старше. В семьях, где нет соответствующей языковой среды, добиться знания языка невозможно. Поэтому единственный выход – изучать калмыцкий как иностранный, используя передовые технологии и Интернет, без которого не мыслит себя молодежь. Многие не признают надобность владения калмыцким языком, не видя в этом пользы.

Мотивация изучения родного языка учащимися, не владеющими своим национальным языком, еще не стала предметом специальных исследований. Проблема мотивации изучения родного языка интенсивно разрабатывается в рамках более широкой проблемы мотивации учебной деятельности.

При изучении родного языка одной из главных составляющих мотивации является осознание этнической идентичности, основными факторами которой являются язык и культура. «Главное условие сохранения и возрождения языка – это желание самих носителей сохранить его, – считает Евгений Головкин, заместитель директора Института лингвистических исследований РАН. – В центре этого желания – стремление к самоидентификации. Группа людей хочет отличаться от остальных: у нас есть своя культура, свой язык – вот на этом желании все и держится. Желание самих людей выучить язык – это важно. Если есть желание заявить о себе – тогда будет и преподавание в школе, и изучение».

В отношении развития и исследования мотивации к изучению калмыцкого языка можно применять аналогичные методы, применяемые к английскому языку. Обращение к национальному компоненту активизирует духовно-культурную самоидентификацию личности и осознание связи со своей национально-культурной группой, что, в свою очередь, делает персонально значимым содержание обучения, значительно повышает мотивационно-ценностное отношение к нему.

Целью нашей исследовательской работы стало изучение учебной мотивации студентов 1 курса языковой специальности. В исследовании приняло участие 77 обучающихся.

Исследование проводилось методом письменного анкетирования. Были составлены вопросы на выявление мотивации учения. Вопросы составлены таким образом, чтобы выявить какой из уровней мотивации присутствует у студента. Согласно результатам у 18 % обучающихся выявлен очень высокий уровень мотивации, т.е. студент изучает иностранный язык исходя из своих внутренних мотивов для получения качественного образования, у 45 % выявлен высокий уровень мотивации, однако данный мотив необходимо поддерживать усилиями педагога и родителей. Нормальный или средний уровень мотивации проявляется у 27 % учащихся, студенты интересуются иностранным языком и культурой страны, однако чаще всего мотиватором для успешного обучения является педагог. У 8 % учащихся выявлен сниженный уровень мотивации учения, т.е. обучение с такими студентами проходит медленно, результаты обучения проявляются спустя длительный срок, в университете учащиеся проявляют свою инициативу на уроке иностранного языка лишь для получения положительных оценок, показателем низкого уровня мотивации являются 3% учащихся, они посещают занятия иностранного языка с нежеланием, часто отвлекаются и привлекают излишнее внимание к себе.

Согласно данным, 89% респондентов устраивает преподавание английского языка, что является еще одним из важных факторов мотивации к изучению английского языка. Для выявления мотивации к изучению калмыцкого языка применялись аналогичные анкеты как и в отношении английского, за исключением одной. 48% учащихся нравится изучать калмыцкий, 21% – делают это по необходимости и 29% – указывают другие причины. В то же время по степени важности калмыцкий язык у 5,4 % учащихся стоит на первом месте, у 78% – на 2,3 и у 16% – на последнем. Это говорит о достаточно среднем уровне мотивации к изучению калмыцкого языка.

Диаграмма №1

Таким образом, анализ теоретико-методологических основ рассматриваемой проблемы показывает, что исследование учебной мотивации является весьма актуальной, что объясняется ведущей ролью учебной мотивации при организации образовательного процесса. При этом, эффективность учебно-обучения зависит не только от интеллектуального уровня обучающегося, его знаний, но и от наличия должной учебной мотивации, которая движет им и направляет его на путь постоянного освоения нового, самосовершенствования как личности.

1. Алхазисвили А.А. Основы овладения устной иноязычной речью. Москва : Просвещение, 1988.
2. Гез Н.И., и др. Учебник. — М.: Высш. школа, 1982. — 373 с
3. Гурвич П.Б. Коррективно-подготовительный аспект методики преподавания иностранных языков. Владимир, 1982.
4. Зимняя И.А. Педагогическая психология : учеб. для вузов. 2-е изд., доп., испр., перераб. / И. А. Зимняя. Москва, 2006.
5. Зимняя И.А. ТСО и наглядность в обучении иностранному языку. – М.: Просвещение, 1979.
6. Итоги переписи населения Калмыкии в цифрах [Электронный ресурс]. URL: http://www.bumbinorn.ru/analyzer/1165135072-itogi-perepisi-naseleniya-kalmykii-v-cifrah_48654.html

Киреева И.А., Браженец К.С., Ильина Т.В.

Моделирование речевого жанра научно-популярной статьи в немецком языке

*АНО по развитию естественных наук «Академия Естествознания»
ГБПОУ «Колледж современных технологий имени Героя Советского Союза
М.Ф. Панова»
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/lj-12-2018-16

idsp: ljjournal-12-2018-16

Аннотация

Актуальность темы обусловлена необходимостью изучения механизма выстраивания речевого жанра в немецких научно-популярных статьях и аспектов модели его построения при переводе на русский язык. Целью работы является попытка анализа процесса моделирования речевого жанра научно-популярной статьи в немецком языке и ее перевода на русский язык. При изучении темы использован метод исследования аутентичной научно-популярной литературы, в частности, статьи из журнала «Der Spiegel».

В результате анализа аутентичной научно-популярной статьи «Der schwimende Nordpol» было установлено, что в ее основе лежат общенаучные и специальные термины. По итогам исследования модели построения речевого жанра научно-популярной статьи и ее перевода на русский язык был сделан вывод о том, что язык

научного текста значительно отличается от языка других стилей речи, его моделирование в письменной речи имеет свою специфику.

Ключевые слова: моделирование, речевой жанр, научно - популярная статья, стили речи, композиционные звенья, коммуниканты.

Моделирование речевого жанра научно-популярной статьи предполагает набор следующих типовых речевых действий: информирование, разъяснение, и описание. «Из общих черт научно – популярного изложения следует назвать:

- а) подробность изложения научных данных и сведений;
- б) раскрытие всех возможных общих положений на конкретных примерах;
- в) намеренное подчеркивание хода логической мысли специальными речевыми средствами;
- г) стремление избегать широкого использования терминов, а при необходимом употреблении непременно разъяснять их значение;
- д) «не загромождение» научными фактами, материалом исследования;
- е) использование разнообразных приемов (в том числе речевых) активизации внимания читателя;

ж) стремление к оригинальности, не шаблонности выражения и некоторые другие. Это определяется пониманием текста и состоит в выделении композиционных звеньев, анализе речевых действий и операций и их распределения по композиционным звеньям. Более легким для восприятия неподготовленного читателя является индуктивный метод изложения» [2]. «Коммуникативный процесс в реальности представляет собой линейное изложение содержания, известное в научной литературе как форма и способ изложения содержания произведения» [1]. Этот процесс реализуется в горизонтальной композиции произведения двояким образом. В стилистическом результативном аспекте он складывается из определенных элементов: вводной части, основной части и заключения. В динамическом аспекте элементами композиции выступают композиционные звенья: введения в тему, развитие темы, резюмирование. Носителями коммуникативного процесса выступают субъекты коммуникации: адресант и адресат. В научной речи коммуникантами являются реальные лица индивидуального или коммуникативного характера. «Конкретизация субъектов коммуникации на уровне жанра как функционального объекта определяется характером микросреды общения. Микросреда – это конкретные объективные условия, в которых находятся общающиеся» [6]. К этим условиям относятся, прежде всего, различные роли, в которых выступают коммуниканты:

1. статусные роли – это социальная характеристика коммуникантов (возраст, пол, национальность, социальный слой);
2. позиционные роли – место в системе социальных отношений (начальник, подчиненный, преподаватель, студент);
3. ситуационные роли (гость, друг);
4. личностные роли (друг, недоброжелательный человек).

«Эти роли стереотипны, выступая нормами, они регулируют взаимоотношения коммуникантов и оказывают существенное влияние на языковое оформление общения. Большое значение имеет место коммуникации, а также пространственные отношения коммуникантов (контактность-дистантность). В качестве средств коммуникации на жанровом уровне выступают разные виды письменной и устной речи, дифференцированные вышеуказанными условиями» [5]. Рассматриваемая в нашем исследовании научно-популярная статья, взята из журнала «Der Spiegel» и представлена в одном из источников (Kuhne, B. Grundwissen Deutschland: Kurze Texte und Übungen/B. Kuhne - München: Iudicium, 2000.- 37 S.) [7]. «Особенность научно-популярных статей журнала состоит, в частности, в том, что заголовок как элемент коммуникативной системы нередко содержит диалогичность, которая может

выражаться в виде вопросов» [4]. В этом случае вопрос служит для установления связи с читателем, наводит его на мысли. Заголовки журнала «Der Spiegel» отличаются своей экспрессивностью, сарказмом и лаконичностью. А теперь перейдем к анализу полного текста научно-популярной статьи «Der schwimende Nordpol» из журнала «Der Spiegel». Статья «Der schwimende Nordpol» была опубликована в журнале «Der Spiegel» и полностью выдержана в стиле, присущем этому журналу. В ней обсуждается одна из самых серьезных и актуальных на сегодняшний день проблем – глобальное потепление климата. Структура текста, наличие основных функций научного изложения (разъяснения) и публицистики (популяризация) указывает на то, что ее можно отнести к научно-публицистическому стилю и, что мы имеем дело с научно-популярной статьей. Наличие в статье специальных терминов из области географии, биологии, физики и техники также говорит нам об этом.

Адресатом данной статьи является, прежде всего, читатель-неспециалист, т.е. она рассчитана на массового читателя. И так как адресатом является неспециалист, то главная функция текста – популярное изложение (разъяснение) научного знания. Текст написан в речевом жанре “журнальная научно-популярная статья” (на экологическую тему). В научно-популярном журнале автор статьи не претендует на глубокое и полное рассмотрение проблемы. Уже в названии статьи «Der schwimende Nordpol» мы можем уловить тональность текста. Ведь заголовок должен заинтересовать и настроить читателя, дать «разбег» для восприятия информации, обладающей глобальной актуальностью, а в других случаях и определить его отношение к информации. Заголовок «Дрейфующий Северный полюс» выполняет одновременно информационную и экспрессивно-апеллятивную функцию. Анализируемая научно-популярная статья состоит из трех композиционных звеньев: введения, основной части и резюмированного заключения. В подзаголовке содержится главная информация. Он вводит нас в общий курс дела, т.е. говорит, о чем пойдет речь в остальной части. В тексте помимо основной информации прослеживается и второстепенная информация. Она служит для неспециалиста фоном для упрощения понимания, т.е. служит целям популяризации. Второстепенную информацию в данной статье составляет рассказ о туристах. Автор не просто констатирует научное знание, но и пропагандирует его. Как известно, прагматическую функцию научного стиля составляет понимание. Архитектонико-речевая форма статьи является монологической, но внутренне диалогизированной. Автор использует элементы интервью с различными учеными, представляющих собой монологические тексты (в прямой или косвенной речи), имитирующие непосредственное общение с целью оживления изложения содержания, придания ему публицистического звучания. В данной статье реализуется также экспрессивная тональность. В таком изложении ощущается личность автора. Хотя сам автор прямо не высказывает своего мнения по данной проблеме, позиция его нам вполне ясна. Приведем примеры: ... «Plötzlich schien Eile zur Rettung des kippenden Klimas geboten...», или «...Doch über die Interpretation der vermeintlichen Alarmsignale tobt ein Gelehrtenstreit...», или «...Weitgehend einig sind sich die Forscher immerhin, dass der Anstieg des Meeresspiegels ein Horrormärchen bleiben wird...». Автор рассматривает проблему с разных позиций, стараясь быть оптимально объективным, представляя как можно полную информацию. Переход к основной части маркирован переходом от эмоционально-оценочной тональности к рассуждающей речи, в которой на первый план выходят аргументы, ср.: «...Schon seit 50 Millionen Jahren sei keine Pfütze mehr am oberen Ende anzutreffen gewesen.» (аргументированное утверждение). Далее идет блок утвердительных предложений, реализованных посредством оценочной констатации, которая затем переходит в комментарий с оценочным резюмированием, ср.: «Genau diese Behauptung aber wird von Polarforschern als Mythos entlarvt» (комментарий-констатация). «Glaziologe Johannes Freitag hat gerade erst vor vier Jahren selbst schon eine

eisfreie Polgend gesehen. Für Polarforscher ist das Naturschauspiel leicht erklärbar.» (оценочное резюмирование). Далее изложение строится в форме информирующего рассуждения, которое завершается оценочным констатированием. Последующее информирующее рассуждение состоит из блоков предложений оценочно-констатирующего характера, которые представляют чередование разных точек зрения. «Klimamodellier wie Hartmut Graßl fühlen sich bestätigt: «Die Erde heizt sich kontinuierlich auf, bislang um 0,8 Grad Celsius. Und die Eiskappe wird langsam verschwinden», prophezeit Graßl». «Polarforscher wie Heinz Miller vom Bremerhavener AWI warnen hingegen vor 'solch voreiligen Schlüssen. Das Polareis habe zwar tatsächlich in den letzten Jahrzehnten abgenommen. Aber auf Grund natürlicher Prozesse könnte es genau so gut wieder zunehmen» (эксплицитная оценка). Затем идет ряд эмоционально наполненных предложений, содержащих оценки-иллюстрации, цель которых – внушить читателю всю трагичность явления. «Der Eisbär werde ohne Eisschollen nicht mehr auf Beutejagd gehen, sondern sich in den Mülltonnen arktischer Siedlungen bedienen. Schon in diesem Frühjahr starben im kanadischen Sankt-Lorenz-Golf Tausende Robbenbabys. Statt der üblichen Eisdecke, auf der die Robbenmütter ihre Babys gebären, gähnte eine grosse Fläche offenen Wassers». Далее изложение отражает оценочно-констатирующий характер, и здесь теперь чередуются уже различные версии последствий потепления климата. «Durch die Erwärmung würde mehr Feuchtigkeit aufsteigen und zu stärkeren Niederschlägen auf der Nordhalbkugel führen. Die Gletscher Norwegens und der Eispanzer Grönlands könnten dadurch wieder wachsen, mutmasst Grass – und widerspricht damit der von vielen Klimapropheten verkündeten Tauzeit der grönländischen Gletschereisdepots». В этой части присутствуют элементы жанра «полемика», так как автор приводит здесь различные точки зрения ученых тем самым, образовав полемикальное рассуждение.

На основе анализа данной статьи, относящейся к научно – популярному функциональному стилю, можно сказать, что язык научного текста значительно отличается от языка других стилей речи. Основная причина в том, что цель научного изложения — воздействие на ум, а не на чувства читателя, и сообщение информации в объективном описании. Все перечисленные модели построения лингвистического материала «могут быть реализованы в интерактивных формах и методах обучения, которые показывают новые возможности, связанные с налаживанием межличностного взаимодействия путём внешнего диалога в процессе усвоения учебного материала»[3].

Таким образом, рассмотрение процесса моделирования речевого жанра научно-популярной статьи в немецком языке и ее перевода на русский язык дает основание утверждать, что она представляет собой завершённое сообщение, обладающее своим содержанием, организованное по модели одной из форм сообщения, существующих в стиле научно — популярной прозы.

Ориентированность научно-популярной статьи на такие коммуникативные цели, как анализ и объяснение научных проблем, обуславливает отнесение данного речевого жанра к аналитическому типу текста. В результате получается комплексное информационно-аналитическое функциональное содержание, структурный облик которому придает научно-публицистический функциональный стиль.

1. Браженец К.С. Проблемная лекция как форма организации содержания проблемного обучения//Среднее профессиональное образование. 2012. № 3. С. 18-20.
2. Вульфегт. И.И. Пособие по переводу немецкого научно-технического текста: М.; Высшая школа, 2000.- 256с.
3. Киреева И.А.. Социально-культурные условия формирования компетенции межкультурного общения студенческой молодежи.: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.05 /Киреева Ирина Анатольевна.–Тамбов.,2009. – 195 с.

4. Меркулова Л.П., Киреева И.А., Якушева Т.С. Формирование межкультурной компетентности специалистов технического профиля в системе дополнительного профессионального образования / Монография -.Самара.: Изд-во СГАУ, 2015.-176 с.
5. Медведева С. Ю. Категории выделения публицистических текстов // Проблемы типологии текстов : Сборник научно-аналитических обзоров. – М.: ИНИОН, 1984. – С.34-39
6. Тер - Минасова С.Г. Словосочетание в научно – лингвистическом и дидактическом аспектах М. 1991.- 176с.
7. Kuhne, B. Grundwissen Deutschland: Kurze Texte und Übungen/B. Kuhne - München: Iudicium, 2000.- 37 S.

Косташ Л.Л., Кожемяченко А.А.

К вопросу о синтаксических стилистических приёмах в публицистическом тексте

Приднестровский Государственный университет им. Т.Г. Шевченко

(Молдова, Приднестровье, Тирасполь)

doi: 10.18411/lj-12-2018-17

idsp: ljjournal-12-2018-17

Аннотация

В статье рассматриваются особенности публицистического стиля, а также классификация синтаксических стилистических приёмов с примерами.

Ключевые слова: публицистический текст, публицистический стиль, синтаксический стилистический приём, стилистика.

Важным требованием культуры речи является знание основ стилистики английского языка. Стилистика – одна из самых занимательных и древних наук. По мнению А.Н. Кожина: «Стилистика как наука, как учебная дисциплина, выступает как учение о наиболее эффективных формах выражения мысли и чувства в самом широком смысле этого слова, как учение о выразительных средствах языка, о целесообразном отборе и комбинировании средств языка в определённой сфере общения, как учение о закономерностях употребления единиц языка в актах речевой деятельности»[5, 224].

Также к области изучения стилистики относится и литературная норма. Каждому человеку необходимы знания для правильного употребления слов и их значений. Из этого следует, что стилистика необходима не только людям, интересующимся изучением языкознания, но и во многих других сферах человеческой деятельности.

Актуальность работы заключается в масштабности использования синтаксических стилистических приёмов в публицистическом тексте и в значимости их понимания. Благодаря своему разнообразию, стилистические фигуры вызывают большой интерес у изучающих английский язык.

Публицистический стиль играет важную роль в системе языковых стилей, благодаря тому, что он способен перерабатывать тексты, созданные в рамках других стилей. Сегодня публицистика стремится объединить в себе не только интеллектуальные, но и эстетические потребности.

По мнению И.Р. Гальперина, функция публицистического стиля, отличающая его от других речевых стилей может быть сформулирована следующим образом: «воздействие на читателя или слушателя с целью убедить его в правильности выдвигаемых положений или вызвать в нем желаемую реакцию на сказанное не столько логически обоснованной аргументацией, сколько силой, эмоциональной напряжённостью высказывания, показом тех черт явления, которые наиболее эффективно могут быть использованы для достижения поставленной цели» [3, 405].

Для реализации воздействующей функции, придания эмоциональности и выразительности публицистическим текстам существуют синтаксические стилистические средства.

На синтаксическом уровне стилистические приёмы можно разделить на несколько групп, учитывая способы транспозиции значения предложения и характер отношений между синтаксическими структурами или элементами данных структур:

- 1) приёмы, основанные на повторении элементов (анафора, анадиплосис, эпифора, полисиндетон);
- 2) приёмы, основанные на транспозиции значения (парцелляция, риторический вопрос);
- 3) приёмы, основанные на опущении элементов (апозиопезис, эллипсис, асиндетон);
- 4) приёмы, основанные на взаимодействии элементов (параллелизм, антитеза);
- 5) приёмы, основанные на инверсионном порядке (инверсия, обособления).

1. Приём *анадиплосис* предоставляет возможность адресату обозначить мнение эксперта и показать профессионализм журналиста, не взяв на себя ответственность за высказанное мнение.

"I don't expect a reaction from Western media because Western media hasn't even read this, has no idea about this," Lionel told RT [https://www.rt.com/op-edge/337269-clinton-google-aljazeera-assad-plot/].

Полисиндетон помогает журналисту придать высказыванию большую эмоциональную силу и придать всем однородным членам предложения одинаковую значимость. При помощи данного синтаксического стилистического приёма передаваемой информации придаётся связность и неделимость всех элементов сообщения:

"There have always been distinctions and barriers and jurisdiction alliance" [https://www.rt.com/op-edge/337269-clinton-google-aljazeera-assad-plot/].

Следующий отрывок представляет собой пример употребления *эпифоры*. В конце обеих частей предложения заметно использование одних и тех же лексических единиц *"is beatable"*:

"ISIS is beatable, radical Islamism is beatable" [https://www.rt.com/op-edge/336975-flynn-isis-us-russia-unite/].

Для придания важности и эмоционального выделения фразы часто используется приём *анафоры*.

We're not talking 30,000 guys in Syria anymore – we're talking about potentially a million radicalized Muslims around the world [https://www.rt.com/op-edge/336975-flynn-isis-us-russia-unite/].

2. Второй тип заключается в транспозиции, иными словами, переосмыслении прямого значения синтаксической конструкции. К подобной группе можно причислить *парцелляцию* и *риторический вопрос*.

В исследуемом ниже предложении *парцелляция* усиливает эффект нарастания напряжённости.

"Mayhem. Catastrophe. Apocalypse. Chaos. A hail of brimstone. The end of the (consumerist) world. Years of misery ... And that's just the more optimistic parts of the media, as they contemplate the break up of the eurozone" [https://www.theguardian.com/commentisfree/2011/dec/04/eurosceptics-beware-euro-crisis]

Как видно из следующего высказывания, синтаксический стилистический приём *риторического вопроса*, цель которого заключается в привлечении внимания собеседника и придании ему эмоционального состояния, может реализовать значение недоверия:

"So, why are we so loyal to a president who is not loyal to us?" [https://www.theguardian.com/commentisfree/2013/may/05/why-loyal-to-president-not-loyal-to-us]

3. Одной из стилистических фигур, способствующих созданию экспрессии, является *апозиопезис*. Этот приём позволяет придать эффект незавершённости фразы,

прерывистость речи. В этом случае главную роль играет пунктуация, вследствие чего, выражаются переживания говорящего:

“For 10 years people have suffered three major operations and continuous chronic stress... They have basically never experienced normal life...” [<https://www.rt.com/op-edge/335456-gaza-israel-children-killed/>]

Следующим синтаксическим стилистическим средством пропуска элементов высказывания является *эллипсис*. Эллипсис употребляется для усиления смысла и эффекта от высказывания, а также его выразительности. В следующем примере используется опущение слова *“people”* при описании события, в котором участвовало определенное число людей:

“At least 40 die in Great Rift earthquake” [<http://www.telegraph.co.uk/news/>].

Как стилистический приём, *асиндетон* используется с целью усиления изобразительности речи, а также с целью повышения выразительности текста. В последующем высказывании писатель воздействует на читателя посредством использования в отрывке бессоюзной связи, цель которой – придать остроту, подчеркнуть стремительность действий.

“Canada Wants to Buy Russian Helicopters, Planes” [MN, March 24–30, 2004].

4. Синтаксические стилистические средства могут возникать на основе взаимодействия элементов высказывания. К подобным приёмам принадлежат *параллелизм* и *антитеза*. Параллельные синтаксические конструкции могут быть построены в текстах интервью по принципу единоначалия.

“We have one condition; no one will be armed, [and] no one will attempt to divide this country and partition this nation,” said Erdogan [<https://www.rt.com/news/383106-erdogan-kurds-peace-guardian/>].

В публицистике *антитеза* выполняет противопоставляющую функцию обозначения явлений действительности и направлена на анализ фактов общественной жизни. Благодаря такому контрастному приёму, автор усиливает впечатление от прочитанного и помогает читателю создавать более яркие образы:

“Peter Preston: good news on a bad day for one polio victim” [<https://www.theguardian.com/society/2002/jun/22/health.lifeandhealth>].

5. Синтаксические стилистические средства могут возникать на основе необычного расположения элементов высказывания. К подобным приёмам принадлежат *обособление* и *инверсия*, которые облегчают реципиенту понимание публицистической статьи.

Изменение порядка слов в данном предложении свидетельствует об использовании *инверсии* в качестве создания эмоциональной окраски.

“A problem Moscow offered to mitigate through the formation of a single currency for the bloc” [<http://www.eurasianet.org/node/77731>].

В качестве примера синтаксического стилистического приёма *обособления* может послужить следующее высказывание, в котором используются двоеточия, для того, чтобы сделать ссылку на автора или указать источник информации.

“Prime Minister: Worst crisis since World War II” [https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2016/06/29/post-brexits-the-u-k-is-in-its-worst-political-crisis-since-1940-and-the-e-u-may-be-about-to-unravel/?utm_term=.576cee2b88d6].

Публицистические тексты направлены на сжатое изложение событий, на желание заставить читателя додумать сказанное, прийти к собственному мнению. Подобная краткость реализуется посредством синтаксических стилистических средств, основанных на опущении. Поэтому в данном стиле превалирует именно этот тип. Однако, приёмы в публицистическом тексте, реализующие стилистическую функцию, благодаря транспозиции значения синтаксических конструкций, а именно –

риторический вопрос и парцелляция, занимают последнее место. Данный факт объясняется тем, что парцелляция и риторический вопрос характерны для разговорной речи, они функционируют на письме для изображения прямой речи, для характеристики персонажа или окружающей его действительности.

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка: Учебник для вузов. М.: Флинта, 2010. –384 с.
2. Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. М.: 1981. –616 с.
3. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958 –405 с.
4. Знаменская Т.А. Стилистика английского языка. Основы курса. М.: КомКнига, 2006. –224 с.
5. Кожин А.Н. Функциональные типы русской речи / А.Н. Кожин, О.А. Крылова, В.В. Одинцов. – М.: Высш. шк., 1982. –224 с.
6. Кухаренко В.А. Практикум по стилистике. Учебное пособие для студентов филологического факультета. М.: Флинта, 2009. –81 с.
7. Солганик Г.Я. Стилистика текста: Учеб. пособие. – М.: Флинта, Наука, 1997. –256 с.
8. Leech G.N. Short M. Style in Fiction. A Linguistic Introduction to English Fictional Prose. Routledge; 2nd edition. –12 с.
9. <http://www.eurasianet.org>
10. <http://www.rt.com>
11. <http://www.guardian.co.uk/>

Кукса П.В.

Осязательные образы в структуре романа М.А. Шолохова «Тихий Дон»

*Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище
им. генерала армии В.Ф. Маргелова Минобороны РФ
(Россия, Рязань)*

doi: 10.18411/lj-12-2018-18

idsp: lj-12-2018-18

Аннотация

В данной статье представлены осязательные детали эмоционально-чувственного мира романа М.А. Шолохова «Тихий Дон». В статье отмечается, что осязательная чувствительность персонажей ощущений широко представлена в произведении. Некоторые признаки осязания автор сознательно использует как знаки взаимоотношений персонажей героев романа.

Ключевые слова: психологизм, подтекст, деталь, символ, осязательная деталь, сегмент эмоциональной сферы, Шолохов, «Тихий Дон».

Исследование сферы художественной детализации в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» представляется нам невозможным без особого внимания к каждому сегменту его поэтики в системе эмоционально-чувственного восприятия мира шолоховскими героями и самим автором произведения.

Сенсорно-чувственная образность – это особая сфера художественной детализации восприятия мира с помощью органов чувств, то есть зрения, слуха, обоняния, осязания, вкуса.

В соответствии с современным толкованием слово «воспринять» означает «ощутить, распознать органами чувств зрительные образы, звуки, запахи, прикосновение»[1, с. 99]. Иными словами, восприятие – это отражение человеком предмета или явления при непосредственном воздействии его на органы чувств.

В процессе восприятия любой предмет дифференцируется в своих чувственных качествах, отражаясь в различных видах ощущений.

Природа щедро наградила человека способностью ощущать и воспринимать окружающий мир при помощи органов чувств. Благодаря им мы узнаем о богатстве окружающего мира, о звуках и красках, запахах, холоде или тепле и многом другом.

Определяя ключевой прием шолоховской поэтики словами «внутреннее через внешнее», С.Г. Семенова подчеркивает «Внутреннее, душевное при то этом чаще всего восстает из внешнего и физического Все плотяно, материализовано: переживания чувства, импульс, мысль читаются в чертах лица, в телесном облике, в непосредственной реакции – без прямого душевного обнажения» [2, с. 85]

В настоящей статье детально рассмотрен осязательный компонент эмоционально-чувственной картины мира Шолохова на материале романа «Тихий Дон».

Осязательная чувствительность как психологическое понятие включает в себя следующие основные компоненты: боль, прикосновение, тепло, холод. Данные составляющие осязательного сегмента эмоционально-чувственной сферы широко представлены в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон». Персонажи прикасаются к окружающим предметам, друг к другу, чувствуют нестерпимую боль, замерзают, их бросает в жар от близости с любимым, от ненависти к врагу.

Некоторые признаки осязания автор сознательно использует как знаки взаимоотношений героев произведения. Остановимся на «осязательных» деталях, характеризующих главных героев.

Встречи Григория и Аксиньи практически всегда сопровождаются *дрожью* героев. Вспомним эпизод, в котором Григорий видит спящих Аксинью и Степана: «Прохлада вкладывает в Григорию тугую дрожащую пружину. Тело в колючих мурашках. Через три порожка взбегает к Астаховым на гулкое крыльцо. Дверь не заперта. В кухне на разостланной полсти спит Степан, под мышкой у него голова жены.

В поредевшей темноте Григорий видит взбитую выше колен Аксиньину рубаху, березово-белые, бесстыдно раскинутые ноги. Он секунду смотрит, чувствуя, как сохнет во рту и в чугунном звоне пухнет голова» [3, с. 24].

Во время совместной рыбной ловли чувства героев постепенно выходят наружу. Читателю очевидно их взаимное влечение. Теперь *дрожит* Аксинья. Герои начинают обостренно чувствовать друг друга, *дрожь* от одного передается другому. «Григорий переступает одеревеневшими ногами. Аскинья *дрожит* так, что *дрожь ее ощущает Григорий* через бредень» [3, с. 34].

В других эпизодах *дрожь* Аксиньи неоднократно передается Григорию. «Григорий молчит. Аксинья скорбно глядит на его красивый хрящеватый нос , на покрытые тенью глаза, на немые губы...

И вдруг рвет плотину сдержанности поток чувства: Аксинья бешено целует лицо его, шею, руки, жесткую курчавую черную поросль на груди. В промежутки, задыхаясь, шепчет, и *дрожь ее ощущает Григорий*» [3, с.60-61]. «Дрожь» как лейтмотивная деталь их любовных переживаний пронизывает все повествование от начала до конца.

В сцене, предшествующей их первой близости, снова *дрожит* героиня. *Трепет* Аксиньи вызван страхом, волнением, отчасти нетерпением.

«От арбы оторвалась серая укутанная фигура и зигзагами медленно двинулась к Григорию. Не доходя два-три шага, остановилась Аксинья. Она. Гулко и дробно сдвоило у Григория сердце; приседая, шагнул вперед, откинув полу зипуна, прижал к себе послушную, *полыхающую жаром*. У нее подгибались в коленях ноги, *дрожала вся, сотрясаясь, вызванивая зубами*. Рывком кинул ее Григорий на руки – так кидает волк к себе на хребтину зарезанную овцу, – путаясь в полах распахнутого зипуна, задыхаясь, пошел» [3, с. 52].

Встречи влюбленных продолжаются не первый день, однако от *дрожи* избавиться им не удастся. Правда, природа *трепета* теперь может быть совершенно иной. Обратимся к эпизоду, в котором герои обсуждают скорый приезд Степана. Это событие, очевидно, волнует в большей степени Аксиныю. В этом смысле Григорий не разделяет переживаний возлюбленной, не чувствует ее «*дрожи*». «В горнице тоже густеет темень, блекнут Степановы уряднищие лычки на висящем у окна казачьем мундире, и в серой застойной непрогляди Григорий не видит, как у Аксины *мелкой дрожью трясутся плечи* и на подушка молча подпрыгивает стиснутая ладонями голова» [3, с. 61].

Дрожат руки героини и в момент рассказа о побоях, наносимых мужем. «– Не знаешь чего?.. Бьет каждый день!.. Кровь высасывает!.. И ты тоже хорош... Напаскудил, как кобель, и в сторону... Все вы... – *Дрожащими пальцами* застегивала кнопки и испуганно – не обиделся ли – глядела на отвернувшегося Григория...» [3, с. 79].

Отдельно обратимся к рукам героев. Следует отметить, что для влюбленных «огрубелые», «неподатливые на ласку», «черствые» руки друг друга милее всех других.

«Григорий лежит на голой *прохладной Аксиныной* руке и смотрит в потолок на цепку катушек. Аксиныя другой рукой – *огрубелыми от работы пальцами* – перебирает на запрокинутой голове Григория жесткие, как конский волос, завитки» [3, с. 59]. И еще: «Аксиныя хватает неподатливые, черствые на ласку Гришкины руки, жмет их к груди, к холодным, помертвевшим щекам...» [3, с. 60].

Отметим в качестве значимой художественной детали, что руки «разнелюбых» для Аксины и Григория супругов Шолохов характеризует одинаково – *шершавые*. «С того дня прижился в астаховском курене невидимый покойник. Аксиныя ходила на цыпочках, говорила шепотом, но в глазах, присыпанный пеплом страха, чуть приметно тлел уголек, оставшийся от зажженного Гришкой пожара. Вглядываясь в нее, Степан скорее чувствовал это, чем видел. Мучился. По ночам, когда в кухне над кмельком засыпало мушиное стадо и Аксиныя, дрожа губами, стлала постель, бил ее Степан, зажимая рот черной *шершавой ладонью*» [3, с. 75].

«Держа в своей руке *шершавую* крупную руку Натальи, Григорий вышел на паперть. Кто-то нахлобучил ему на голову фуражку... Пахнуло полынным теплым ветерком с юга. Из степи тянуло прохладой» [3, с. 103].

Огромное значение в отношениях героев приобретают так называемые «температурные» ощущения «*тепла*» - «*холода*». Для неодолимой любовной связи Григория и Аксины характерны достаточно горячие их проявления. Обратимся к некоторым примерам. «*Тепло и приятно* ей было, когда черные Гришкины глаза ласкали ее тяжело и иступленно» [3, с. 43].

Шолоховские герои зачастую «скорее чувствуют, чем видят друг друга», ощущая одновременно «*холод*» и «*жар*»: «Увидела и почувствовала, как *похолодело* под руками коромысло и *жаром осыпала кровь виски*» [3, с. 43]. Не только «*дрожь*», но и «*жар*» является постоянным лейтмотивом встреч Григория и Аксины. В качестве ключевой детали «осязательной» детали он сопровождает все эпизоды романа, рассказывающие об их поистине «*обжигающей*» страсти.

С нетерпением ожидая свидания с Григорием, Аксиныя собирается Степана в дорогу. В предвкушении встречи с любимым героиня вновь ощущает жар. Хотя вызван он, казалось бы, вполне объяснимыми причинами, писатель намерено использует эту деталь перед эпизодом свидания.

«Аксиныя, плеская из ведер воду на растрескавшуюся землю, покачиваясь, подошла к крыльцу, Степан в широкополой соломенной шляпе запрягал в косилку лошадей. Поправляя шлею на дремавшей в хомуте кобыле, глянул на Аксиныю.

- Налей воды в баклагу.

Аксинья вылила в баклагу ведро, обожгла руки о железные склепанные обручи» [3, с. 77].

В сцене в ожидания Григория Аксинья чувствует *жар ветра*. «Аксинья сняла платок. Струившийся между подсолнухами *горячий ветер* затрепал на шее завитки золотистого пуха. Утихая, повизгивала отъезжавшая арба» [3, с. 80]. В момент, когда Григорий намеревается сказать Аксиньи о своем решении расстаться, становится еще *жарче*. «*Огонь* страха и нетерпения жадно лизал ей лицо, сушил во рту слюну» [3, с. 81].

Отмеченные выше эпизоды и сцены, безусловно, являются лишь малой частью примеров воссоздания осязательных ощущений как средства раскрытия психологического состояния героя на страницах романа М.А. Шолохова «Тихий Дон». Однако они, бесспорно, подчеркивают то значение, которое придает писатель предметной сфере романа в целом, и «осязательному» сегменту художественной детализации в особенности.

В заключение следует отметить, что шолоховские персонажи воспринимают мир всеми органами чувств, что создает эффект художественной стереоскопии и синэстезии в поэтике романа «Тихий Дон». Мы считаем, что использование терминологического аппарата не только литературоведения, но и психологической науки, позволяет осуществить анализ психологизированных описаний в романе Шолохова на стыке двух научных дисциплин, двух подходов.

1. Ожегов, С.И. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2001.
2. Семенова, С.Г. Философско-метафизические грани «Тихого Дона» // Вопросы литературы. 2002. № 1
3. Шолохов, М.А. Собрание сочинений [Текст]. В 9 т. / М.А. Шолохов – М., 1965-1966. – Т. 2-5.

Рагимова Ф.С.

Прецедентный феномен в структуре медиа текста: актуализация прецедента через его презентацию в заголовочном комплексе

Кемеровский государственный университет
(Россия, Кемерово)

doi: 10.18411/lj-12-2018-19

idsp: ljjournal-12-2018-19

Аннотация

Статья посвящена анализу воздействующего потенциала медиа текста, обусловленного функционированием прецедентных феноменов, как одного из механизмов языковой игры, в определенной структурной константе данного текста. Особый интерес представляет исследование функций прецедентов, расположенных в заголовочном ансамбле медиа текста, являющегося сильной текстовой позицией.

Ключевые слова: медиа текст, прецедентный феномен, заголовочный комплекс, интерпретация.

Abstract

The article is devoted to the analysis of the influencing potential of media text caused by the functioning of precedent phenomena as one of the mechanisms of language play in a certain structural constant of this text. Of particular interest is the study of the functions of precedents located in the header ensemble of media text, which is a strong textual position.

Key words: media text, precedent phenomenon, headline complex, interpretation.

Интерпретационно – когнитивный механизм воздействия медиа текста обусловлен активным функционированием в нем прецедентных феноменов, которое

объясняется формированием и усложнением "вертикального контекста", элементом которого является прецедентный материал — нестандартный подход в использовании языка.

Сигналами прецедентности выступают прецедентные источники и прецедентные единицы, образующие состав прецедентных феноменов в медиа дискурсе, который характеризуется наличием как широкого корпуса источников из разных предметно-тематических областей, так и наличием различных прецедентных единиц, имеющих неоднородный характер.

Корпус прецедентных феноменов как совокупность интертекстовых компонентов, представленных в медиа текстах, позволяет определить культурный опыт коммуникантов, так как апеллирует к тому или иному фрагменту общего культурного пространства.

В целом, в корпусе прецедентных феноменов наблюдаются определенные тенденции: 1) тенденция к расширению корпуса прецедентных феноменов в медиа текстах: увеличение их общего числа, позволяющее утверждать, что современные медиа тексты обладают высокой прецедентной плотностью и расширение числа предметно-тематических областей; 2) тенденция к перераспределению прецедентных единиц относительно ядра и периферии: ядро составляют прецеденты, восходящие к какому-либо одному типу источников, удельный вес которых в общем корпусе больше 7%. Ядерными являются следующие области: художественная литература (26.9%), фразеология (25.8%), искусство (25.5%), история (7.3%); периферийными — наука (3.0%), миф (2.6%), фольклор (2.5%), религия (2.1%). При этом функционирование прецедентных феноменов из ядерных областей остается неизменно высоким, а позиции периферийных областей меняются. Очевидным, в частности, является все меньшее обращение к такой традиционно авторитетной области, как религия; наиболее представленными являются прецеденты из предметно-тематической области "Художественная литература"(26.9%). В данной предметно-тематической области наиболее широко репрезентирована группа "Отечественная литература" (15.9%) с ее классическими образцами, изучаемыми в школьной программе.

Медиа текст, как и любой другой, представляет собой единое целое, части которого взаимосвязаны между собой. Воздействие в медиа тексте осуществляется многослойностью языковой структуры, в том числе и многослойностью структурных элементов. Результатом взаимодействия составляющих текста оказывается новый смысл, никак не равный сумме частей текста.

Средства привлечения внимания адресата могут содержаться как в самом тексте (устном или письменном), так и за его пределами, носить экстралингвистический характер (престижность средства массовой информации, его тираж и др.).

В силу своей способности вызывать богатые ассоциации, прецедентные феномены встречаются, в основном, в так называемых креативных структурных элементах текста, являющихся сильными текстовыми маркерами. Используя прецедент, авторы текстов расширяют границы медиа сообщения, добавляя к тому, что сказано непосредственно в тексте, те образы, которые возникнут в сознании потребителя информации при восприятии текста. Функциональная наполненность прецедентного феномена оказывается различной в зависимости от презентации в определенных структурных элементах медиа текста.

Интерпретационно-когнитивная модель события, реализуемая в конкретном медиа тексте в том числе и посредством прецедентных феноменов, актуализируется в определенном структурном элементе данного текста. Важную роль в этом процессе играет заголовочный комплекс как ключевой интерпретационный текстовый знак. Событийные элементы и их интерпретация наиболее ярко представлены в заголовочном комплексе, который, являясь сильной константой текста и имея в нем фиксированное положение, раскрывается как 1) наиболее актуальная тема текста, 2)

отражение авторской интенции, 3) доминантный материал, привлекающий внимание читателя и определяющий проективно-ретроспективную модель медиа текста. Например, в прецедентном заголовке *«Миг между прошлым и будущим: «До и после» на фестивале Территория»* используется двухчастная синтагма с прототекстом – строкой из песни Л. Дербенева и А. Зацепина: *«Есть только миг между прошлым и будущим. Именно он называется жизнь»*.

В данном медиа тексте использование прецедента в заголовке актуализирует следующие функции: графически выделительную, которая достигается с помощью распределения на полосе, выделения шрифтом, цветом и т.п.; информационную, так как заголовок содержит основную текстовую информацию с той целью, чтобы читатель получил максимум сведений о событии; рекламную, так как прецедент-заголовок привлекает внимание читателя, заинтересовывает; оценочную, при условии, что прецедент – заголовок расшифрован и в результате вызывает эмоциональный отклик; интегративную, заключающуюся в том, что заголовок – прецедент объединяет несколько элементов текста (подзаголовок, основной текст и др.).

Одна из основных функций заголовочного комплекса в медиа тексте заключается в привлечении внимания читателя и в распознавании, «угадывании» им жанра последующей публикации. С. М. Гуревич отмечает, что «газетная практика дает многочисленные примеры того, как в результате неудачного выбора и оформления заголовков резко снижается воздействие важных выступлений газеты на читателей: содержательную статью с неправильно выбранным, невыразительным, неграмотно оформленным заголовком не замечают. И наоборот, яркий заголовок, привлечший читателя своим содержанием и формой, побуждает прочитать следующий за ним текст или рассмотреть стоящую под ним иллюстрацию. Он играет роль крючка, заглотнув который, читатель знакомится со своим «уловом» – всей публикацией» [Гуревич, 2002. 46]. А.А.Лютая, исследуя семантику, прагматику и структуру современных газетных заголовков утверждает, что «основной смысл заголовочной конструкции переходит в общий смысл текста газетной публикации. Между заглавием и текстом существуют проспективно - ретроспективные связи. Название имеет двустороннюю сущность и, как правило, позволяет прогнозировать содержание публикации. Заголовок выражает основной замысел, идею текста и всегда находится в сильной позиции по отношению к тексту» [Лютая, 2008. 19].

Наиболее распространенными видами заголовочных комплексов с использованием прецедентных феноменов являются те, которые носят ассоциативный характер: связь с сюжетами или названиями широко известных произведений литературы и искусства, с историческими персонажами или расхожими цитатами из книг и кинофильмов:

Заголовок: Если я заболею

Подзаголовок: К врачам обращаться обязательно буду (Литературная газета, 2018, № 51). Источник: Стихи Я. Смелякова: Если я заболею, к врачам обращаться не стану...

В данном случае мы наблюдаем ассоциативный заголовочный комплекс, а также замещение компонентов текста – источника с изменением функциональной модальности прототекста с отрицательной на положительную.

Частотность данного вида трансформации прецедента в заголовочном ансамбле связана, на наш взгляд, с наличием широких возможностей для воздействия на адресата, с очевидным установлением контакта, выходом на диалог (контактоустанавливающая, интеракции функция). В большинстве случаев установление языкового контакта посредством изменения модальности происходит через частичную десемантизацию и частичную деформализацию текста-источника. При этом высказывание не переходит в разряд "чистых" сигналов речевого контакта

(В.Г.Гак), так как многие средства языка, способствуя установлению и поддержанию коммуникативного контакта, не теряют при этом своих первичных функций:

Заголовок: Нас водила молодость (Литературная газета, 2018, № 51)

Источник: стихи Э. Багрицкого

Нас водила молодость / В сабельный поход, / Нас бросала молодость / На кронштадтский лед.

При создании заголовка — вопроса, в структуру которого включен прецедентный феномен, в идеале осуществляется стратегия, при которой в заголовок медиатекста выносятся главный вопрос, на который отвечает весь текст. Оценочность заглавий как яркая примета медиа дискурса последних лет создается в основном несколькими приемами. Прежде всего, это экспрессивные прецедентные вопросительные и восклицательные синтаксические конструкции, требующие не просто восприятия информации адресатом, но и анализа: *Книжный пир на весь сибирский мир!* (Библиотечная жизнь Кузбасса, 2016).

Яркая оценочность и экспрессивность прецедентных заглавий создается благодаря таким трансформационным способам, как замещение (субституция) и усечение (импликация) языковых единиц. Субституция характеризуется тем, что вместо "канонического" слова вставляется иное, как правило, совпадающее с первым по своим морфологическим характеристикам, ритмической структуре и синтаксической позиции, основная смысловая нагрузка падает именно на замещающее (новое слово): *Мефистофель на оба ваших дома (праправнучка архитектора Лишневского рассказала о разрушенном барельефе и своем знаменитом предке)* (МК в Кузбассе. 9.09.15), прототекст «*Чума на оба ваши дома!*» (англ. A plague on both your houses) — фраза из трагедии «Ромео и Джульетта» У. Шекспира в русских переводах А. А. Григорьева (1864) и Т. Л. Щепкиной-Куперник (1941).

В результате происходит закрепление сильной позиции, которое способствует проекции интерпретационных возможностей последующего текста (жанр, объем, стиль, авторская модальность и др.), наличием связей со всеми основными частями текста, прозрачностью интерпретационных возможностей структурного знака вне оставшейся части этого же текста.

1. Ахманова, О.С., Гюббенет, И.В. Вертикальный контекст как филологическая проблема // Вопросы языкознания. 1977. № 3.
2. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка [Текст]: синтаксис: [учебник для институтов и факультетов иностранных языков] / В. Г. Гак. - 2-е изд., испр. и доп. - Москва: Высшая школа, 1986.
3. Гуревич С.М. Номер газеты. - М.: Аспект Пресс, 2002. – 192 с.
4. Лютая А.А. Современный газетный заголовок: структура, семантика, прагматика: автореф. дис. на соискание уч. ст. кандидата фил. наук. - Волгоград, 2008. – 21с.

Kuptsova Yu.A.
Issues of abstracting

Belgorod National Research University
(Russia, Belgorod)

doi: 10.18411/lj-12-2018-20

idsp: ljjournal-12-2018-20

Abstract

The text deals with the term of “abstract”, its main functions and types. The author defines a logical summarization of a text. Three main types of narration in an abstract are revealed: extracting, paraphrasing and interpretation. Stages of the process of working with the source text are discussed.

Key words: abstract, abstracting, logical summarization, extracting, paraphrasing, interpretation, coherence

The term “abstract” first appeared in Russia in “Dictionary for Reference in All the Subject Areas” by F.G. Toll, published in 1864, where it was defined as “reference, commercial note, brief presentation”.

Abstract is a semantically relevant narration of a main content of a source document, which is characterised by economical usage of signs, constancy of linguistic and structural characteristics and aimed at performing different informative and communicative functions in the system of a scientific communication.

The basis of abstracting is a compression of semantic and linguistic aspects of the source text based on its global understanding and rearranging the material of the study. Being the most economical way of getting acquainted with the source text, an abstract should present all the crucial points of the text and emphasize the author’s main idea.

The main functions of abstracts are the following: informative, search, reference, indicative, address and signal ones. As the abstract is a concise narration of the source document main idea, its main task is to convey the fact-based information. Thus, informative function is the most crucial one and is a distinctive feature of an abstract. As a mean of conveying information, abstract may frequently substitute reading of a source document. This leads to a search function of an abstract along with a reference one, because the information extracted from an abstract is often of a reference value. An abstract should characterise the source text not only in the light of its contents but also descriptively. Some additional characteristics of a source material are usually provided: its type (a book, an article), illustrations etc. Sometimes abstract is only the name of the material and sheer enumeration of certain points of the contents. This is another characteristic of an abstract, which is usually called an indicativity. An accurate reference link to a source document enables an abstract to perform an address function, the lack of which makes the information document search pointless. Signal function is performed when the author of the abstract provides operative information on plans for publishing literature and on existing but unpublished works.

Based on coverage of sources abstracts can be monographic, composed from one source, consolidating, composed from several sources bound with the same topic, and synoptical, composed from many sources on the certain topic. Synoptical abstracts do not enclose the content of every single source, they provide instead a common result of surveying all the sources at once.

The process of identifying the main logical points, bearing the maximum of information and rearranging the material is called a logical summarization of a text.

Logical summarization of a text serves the following aims during foreign language teaching:

- natural control by means of retelling the read material;
- developing foreign speech skills during the reproduction of understood material;
- teaching the methods of better orientation in the text and faster logical points identification, which leads to improved clever reading skills;
- preparing future specialists for abstracting the special literature;
- developing summary translation skills.

There are three main types of narration in an abstract:

1) Extracting is conveying the information from a source text in an abstract. This method is quite simple: abstracter marks the sentences that will be, without any change or slightly changed, transferred into the abstract. From the way this abstract looks it may be difficult to differ it from the abstracts created with the help of other methods. 2) Paraphrasing is the most common way of abstracting. One deals with a partial textual match with an original text here.

Paraphrasing implies omitting the large part of the source text information and rebuilding its semantic and syntactical structure. Rebuilding of the text is performed through such operations as substitution (one pieces are substituted with the others), combining (several sentences are combined in one) and generalisation. 3) Interpretation is a method of abstracting through which the content of the source text may be narrated in the same sequence or based on the generalised impression of the text. The examples are: abstracts of theses, notes from scientific conferences and meetings.

Informational capacity of a summary translation is of great importance. The abstract shall never be replaced with an extended reference as it often happens with abstracting of foreign sources. One shall render not only the contents of a work but also the essence of source's main ideas, methods, results, recommendations and proposals. That's why a translator shall be a decent expert in the field of study and shall be able to single out the most informative elements of the text.

The process of working with the source text is divided into several stages:

1. Inspectional (guiding; directing) reading, which results in a decision over a feasibility of abstracting a foreign material. The translator looks through the heading, introduction, table of contents, conclusions, and summary. Then he fluently reads the text and defines a scientific and technical value and information novelty of the source text. Keywords in the heading, introduction, table of contents, and conclusions create a meaningful orientation that later serves to boost a process of understanding a text. 2. Choosing encyclopaedias, special dictionaries, reference and special literature that may help a translator in his further processing of a text.

3. Analysis of a source text type and choosing the narration aspect scheme in a future abstract (the general plan of narration, the plan of narration of the specific technique for abstracting etc.).

4. Reading for details. A translator here doesn't make a full written translation of a text. The mental decoding of a foreign text occurs in a field of abstracting analysis. The need for singling out the aspects denoted in a plan of narration boosts the mental activity of an abstractor and gives it a search-like nature.

5. Dividing a text into aspectual units (marking the text with marks that a convenient for the translator).

6. Construction (synthesis) of new utterances in the mother tongue, which render, in short laconic form, the main semantic content in every aspect.

7. Writing down the fragments of a translation, which are obtained through the abovementioned activities in a sequence predetermined with a plan of narration.

8. Critical comparison of the source text and abstract from the point of view of a reader and applying, if necessary, corrections and additions to the abstract.

9. Arrangement and editing, which requires a translator to stick to a wide-spread structure consisting of three elements:

- the heading part (reference to a source text);
- abstract proper, rendering the main logical content of a source text;
- reference section (index, classification code, list of tables, drawings, schemes, figures etc., translator's footnotes, his/her surname or the name of an institution which did a translation).

Coherence is one of the most important features of a text. It is achieved through correlation, which is a replication of one or more language units. The simplest example of correlation is a logical relation of minimum of two words that make up a correlation pair. The subsequent word refers to the previous one. This may include personal, demonstrative, possessive, and relative pronouns. It is natural for any text that some words or phrases are repeated. Consequent lexical repetition of a word or phrase makes it a thematic basis of a paragraph. Unlike the fiction, which prohibits the use of repetitions, scientific text deals with repetition of thematic terms.

Yashnikova N.V.**Specification of rendering abbreviations in marine terminology***FSBEI HE «Kerch State Maritime Technological University»
(Russia, Kerch)**doi: 10.18411/lj-12-2018-21**idsp: ljjournal-12-2018-21***Abstract**

Acronyms or abbreviations may seem insignificant in lexicography, but they are a problem for seafarers and can easily disrupt smooth translation or interpretation. The article analyses the formation of English abbreviations and their rendering into Russian, highlights the problems they pose to the translator, and ways of their overcoming. Since English is considered the language of globalization, a simple solution for a seafarer is to translate the abbreviation as "borrowed" words with further explanation if necessary. A list illustrating the three main categories of abbreviations is contained in the article.

Key words: abbreviations, context, descriptive translation, equivalent, method.

Shipping is now developed all over the world and for better understanding between different nationalities, English was adopted by the international language of communication. The English language has a strong tendency to various kinds of word abbreviations. The use of abbreviations is a relatively new linguistics phenomenon. The art of reducing a sequence of words to their initial letters became well developed in the late 50s and 60s. This phenomenon portrays the characteristics of the modern era, in which technical and scientific discoveries are developing fast along with all manner of organizations and institutions. With the emergence of modern information and communication technology, in particular the internet and mobile telephony, there have appeared a number of abbreviations, such as HTML, FAQ, SMS, which are used in various languages before they are entered into dictionaries. Meanwhile, the formation of abbreviations follows certain patterns, which, if the translator is familiar with them, could leave him stress-free when faced with such a sequence of letters. According to Tournier, there are up to thirty types of abbreviations. [5]

If abbreviations can constitute difficulties for the seafarer, one could imagine a situation where there is a dialogue in the cockpit, and suddenly he is bombarded with a sequence of abbreviations from the speaker.

The relevance of this topic is due to the fact that the abbreviations in English, or abbreviated spellings of words and expressions on the first or several first letters of the word, have already become firmly established in marine terminology. Each manual, the passport of technical operation, the contract includes abbreviations. And sometimes there arise difficulties in their translation. This article is devoted to the study of the complication of the translation of marine abbreviations. Specific and general English abbreviations and acronyms are supposed to be an integral part of seafarer's vocabulary reflecting his/her high standard of professionalism. Consequently, their ignorance may lead to a rather awkward situation caused by their misinterpretation and misuse.

An abbreviation is a shortened form of a word or group of words. Depending on the abbreviation, it may be written in capital or small letters and with or without one or more periods. There are a lot of miscellaneous abbreviations in English. For example: a.m. (before noon); e.g. (for example); etc. (and so on); ft. (foot, feet); lb. (pound, pounds); ESL (English as a second language); IBM (International Business Machines); ID (identification); Ltd. (limited); PC (personal computer); U.S. (United States). Abbreviations are often employed in tables, footnotes, lists, catalogues, orders and bills, drawings, drafts, figures, captions to illustrations, and the like – that is, where space is tight and brevity is necessary. Although there may be a wide range of abbreviations in technical writing, some abbreviations may also

be used in informal writing (for example, in informal letters to friends and relatives). Abbreviations in different written materials should be standard, recognizable and understandable; only the forms given in the dictionary should be used. A list of abbreviations and their full forms may be provided at the beginning or at the end of the material in which the abbreviations are used.

There are three types of abbreviations: letter abbreviations, syllabic abbreviations, and truncated words. Letter abbreviations are formed from the initial letters of abbreviated words and word combinations, for example: e.m.f. - electromotive force, CR-crane, TW-tween decker, VP-vapour pressure. [1] Syllabic abbreviations arise from the initial syllables of the word combination components. The syllables form a fused writing, read as a separate word: LDGINST-loading instrument, LDGMANUAL-loading manual. [4] One of the most interesting and heterogeneous class of lexical abbreviations comprises truncated words. Traditionally isolated truncation is formed by apocope (truncating the last element of the word, e.g. SPEC-specifications, DAM-damage, Ar-Argon, AUX-Auxiliary), apheresis (truncation of the first element, significantly less productive type of truncation) and syncope (loss of sounds and letters within words, e.g. BLR - boiler, dB - decibel, DK-Deck).

If the difficulty in rendering abbreviations from English into Russian arises, one of the following methods of their translation may be put into use:

1. Search for the equivalent in the Russian language. It involves the use of existing Russian words, fully or partially reflecting the meaning of the English term, for example, ABS (American Bureau of Shipping) - АБС (Американское бюро судоходства), kW (kilowatt) - кВт (киловатт), rpm (revolutions per minute) - об/мин (оборотов в минуту), ME (main engine) - ГД (главный двигатель). [1]

2. Descriptive translation of abbreviations by their full form. This method is used if it is impossible to find an equivalent in the language to which the translation is made. This method implies conveying the meaning of the word with the help of its description or explanation, for example, PSI (Pounds Per Square Inch) – фунт на квадратный дюйм, DWT (deadweight tons) - грузоподъемность, LF (low frequency) - низкая частота, GT (gross tonnage) - валовая вместимость. [1] Descriptive translation is a more frequently used method of rendering abbreviations due to the fact that in the Russian scientific and technical styles the contracted words are used much less often and therefore many English abbreviations need to be developed in full-alphabetic words.

3. Names of international maritime organizations and regulations are often transliterated, as for example: SOLAS (safety of life at sea) - СОЛАС, MARPOL (international convention for the prevention of pollution from ships) - МАРПОЛ, IMO (international maritime organization) - ИМО, TOVALOP (tanker owners voluntary agreement concerning liability for oil pollution) - ТОБАЛЮП. [4]

4. International abbreviations are often left without any translation. Computer area is abundant in examples: HTML, CDROM, DVD.

At the same time, it must be kept in mind that the broad use abbreviations in English results in a large number of homonymic abbreviations that demands from the translator attentive selection of the necessary meaning, for example: AS-air supply, AS-Annual Survey, As-arsenic, AS-Australian Standard; HP-high pressure, HP-horizontal parallax, HP-Horsepower, Hp-precomputed altitude; EO-Enabling Objective, EO-Engineer Officer, EO-Equal Opportunity (military), EO-Executive Order. As experts advise, the translation of abbreviations should be based on the context. An explanatory dictionary or reference source can help clarify the meaning of an abbreviations. When translating abbreviations, it is necessary to take into account the scope of their application, as well as the semantic links between the components in terms-word-combinations.

And in conclusion, the translation of technical and scientific acronyms and literature is a complex, laborious, independent and even to some extent research work in the field of language and a specific specialty. It can be seen that abbreviations are widely used in marine

terminology, and I would like to note that the translation of abbreviations is a very important point in the work of a seafarer and their adequate rendering leads to the efficient operation of the vessel.

1. Lorenzo Cimador. Maritime Acronyms and Abbreviations – IMA, 2003. - 72 p.
2. Muller, V.K. English-Russian and Russian-English Dictionary / V.K. Muller - Moscow: Eksmo, 2010. - 1120 p.
3. Translation journal, Volume 10, No. 4 October 2006, Dealing with Abbreviations In Translation.
4. Lorenzo Cimador. Maritime Glossary of Terms – IMA, 2003. – 97 p.
5. Tournier, J., Précis de lexicologie anglaise. Paris, Nathan, - 1988.

Научный журнал

**Тенденции науки и образования в современном мире
№45, 12.2018**

Декабрь 2018 г.
Часть 1

SPLN 001-000001-0382-LJ

Подписано в печать 26.01.2019. Тираж 400 экз.
Формат.60x841/16. Объем уч.-изд. л.4.37
Бумага офсетная. Печать оперативная.
Отпечатано в типографии НИЦ «Л-Журнал»
Главный редактор: Иванов Владислав Вячеславович